

**ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ**

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Валерий Большаков

Наблюдатель

Текст предоставлено издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178735
Наблюдатель: АСТ, Астрель СПб; Москва, СПб; 2009
ISBN 978-5-9725-1508-0

Аннотация

Он – лучший выпускник академии, выпускающей «прогрессоров» – крепких и умных парней, пригибающих обитателей чужих планет под колено Земли.

Однако друзья-однокашники жестоко над ним подшутили: подменили «распределение» и нечаянно отправили героя прямо в жерло вулкана – на планету, где полудикие обитатели не слишком мирно сосуществуют с техногенными шедеврами великой космической цивилизации, давно канувшей в безднах Вселенной.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валерий Большаков

Наблюдатель

Часть первая

СТРАННИКИ В НОЧИ

Глава 1

ФИНИШ-ПЛАНЕТА

1. Земля, Евразия, Москва. 2244 год

Клинок сверкнул полированной сталью, падая наискось, грозя втесаться в голую шею. Давид тут же поставил шаговый блок, резко отбил меч, и тогда Черный Рыцарь сделал выпад левой рукой, пальцы которой сжимали трехгранный кинжал-мизерикорд, тонкий и опасный, как жало василиска.

Давид отпрянул, разворачиваясь боком, и завертел мечом – вверх, вниз, наискосок, выстраивая защитную «решетку». Черный Рыцарь заворчал недовольно – противник попался вредный, всё никак не давал себя убить. Латник сделал хороший замах, присел рывком, щелкнув доспехами, – и его длинный меч прошипел по-змеиному над самой землей, просвистел, как коса, широким подрезающим движением.

Давид подпрыгнул, уберегая ноги, и ринулся в атаку. Пока инерция уводила меч Черного, он сделал мощный лайн-выпад. Острые клинка вошло рыцарю в бок, попав между сегментами доспеха, разрезая кожаные завязки и погружаясь в гнилое средневековое нутро...

– Нормально, Дава, – пророкотал наставник и скомандовал: – Сброс!

Фантомат моментально выключился. Все краски выдуманного мира истаяли, четкие контуры расплылись, возвращая непоколебимый реал. Земляничная поляна оказалась пружинистым коричневым полом в темных разводах, окружавшие ее деревья – стенами бледно-лилового оттенка, а небо над головой, затянутое облаками, превратилось в рубчатый, матово-белый потолок.

Давид, стараясь громко не сопеть, отдышался и рукавом отер пот с лица. Нормально, значит... Это хорошо. Всё равно большей похвалы от наставника не дождешься...

Наставник, огромный грузный человек с дочерна загорелым лицом, поднялся из-за длинного низкого стола с серебристой поверхностью, за которым сидели члены комиссии, и прошел к задней стене – сплошному окну. Он ступал вперевалку и со спины походил на медведя, переодетого в комбинезон, – сдержанно-свирепого, заматеревшего Винни-Пуха. Вцепившись рукою в прозрачную раму, наставник пошагал вдоль окна, открывая его. Сразу запахло хвоей, потянуло смолистым ароматом рубленых дров и горечью скошенной травы. Очень далеко пропел горнист. Индиговый разлив небес прочертил одинокий глайдер – будто яркая капля скатилась по лазури.

– Нормально, – повторил наставник и повернулся к столу. – Тебе слово, Мелькер.

Сухощавый, длинный как жердь профессор Мелькер Свантессен, планетарный инспектор Комиссии Галактической Безопасности, пожевал губами, словно пробуя их на вкус, и сказал неожиданно громким и строгим голосом:

– Давид Виштальский!

Давид втянул живот и выпрямился, опуская меч.

– Дипломную практику вы проходили на планете Саргол, – проговорил Свантессен, не то утверждая, не то вопрошая, – в качестве координатора полевой группы таких же, как вы, курсантов.

Профессор говорил, опустив голову к столу-информатору, и Давид не знал, что ему делать. Ответить? Или промолчать? Он взглянул на своего наставника, и тот хитро подмигнул ему. Это Виштальского успокоило – он расслабился и кивнул Свантессену. Да, мол, отмечен такой факт в моем героическом прошлом.

– Первый опыт самостоятельного внедрения... – затянул профессор. – Меченосец всадника Инудруадана.

Свантессен неодобрительно поджал губы, и внутренности Давы мгновенно смерзлись.

– Вы знаете, Лобов, мое особое мнение по этому поводу, – сказал профессор сварливо, обращаясь к наставнику Виштальского. – Рано, рано вы тогда начали!

Наставник пожал могучими плечами и прогудел непримиримо:

– Курсант Виштальский прошел психологическое кондиционирование и... и он являлся лучшим в группе! Хотя, конечно, риск был...

– Вот именно... – проворчал Свантессен, смягчая.

Давид слушал с громко бьющимся сердцем. Профессора он побаивался и уважал. Как-никак, Свантессен лет десять уже числился резидентом Земли на далекой-предалекой планете Маран-им, и не зря холодное и строгое слово «Кардинал» стало его оперативным псевдонимом – это здесь он был профессором, а вот гуманоиды-мараниты знали старину Мелькера как Большого Жреца, тамошнего религиозного лидера и, одновременно, первого министра короля Толло-но-Хассе. Чем не Ришелье?

Повернув голову к третьему члену комиссии, полному, румяному добряку, Свантессен сухо сказал:

– Ваше слово, Леонидас.

Румяный радостно потер ладони и склонился к столу.

– Ксенология – пять, – прожурчал он, просматривая оценки, – ксенотехнология – пять, ксенопсихология – пять. Очень хорошо, курсант, просто отлично. Ну, а ваш реферат по сравнительной истории гуманоидных цивилизаций в фазе феодализма тянет на монографию – не более и не менее!

Давид пробормотал нечто невразумительное, но должное продемонстрировать его личную скромность.

– Да-а... – продолжил Леонидас, почти жмурясь от удовольствия. – Но смотрим дальше, и что мы видим? Ваши тренеры, что по ниндзюцу, что по форс-блейду, в один голос заявляют: Давид Виштальский блестяще усвоил теоретические дисциплины, а вот в практических занятиях не дотягивает до высоких показателей...

– По фехтованию он здорово подтянулся, – сказал Лобов недовольно. – Сами же видели!

– Не спорю, – легко согласился Леонидас, – этюд был разыгран как по нотам. Но! Давиду Виштальскому следует серьезно задуматься и сделать окончательный выбор – куда его тянет? К тихой научной работе где-нибудь в НИИ Внеземных Культур? А может, ему лучше остановить свой выбор на Комиссии Межпланетных Отношений и подвизаться на поприще дипломатии? Или все-таки направить стопы в КГБ – шпионить на развитых планетах, так сказать, в тылу союзника, дабы Земля прирастала расами-сателлитами.

Давид подумал.

– В КГБ! – твердо сказал он.

– Воля ваша, – развел руками румяный и широко улыбнулся.

– Шпионить! – фыркнул Лобов. – Вас послушать, так наша работа не выходит за рамки шпионажа и драк!

– Нет, отчего же? Выходит. Но всё же разведка и контрразведка – ее главные составляющие. Право, Иван, стыдиться тут нечего. Война кончилась двадцать лет назад, а мы, «бойцы невидимого фронта», призваны по-прежнему. Таков наш удел!

– Вот потому-то, – с силой сказал Лобов, – и ходит в народе пренебрежительное «голубокурточник» или боязливое «кагэбэшник»! И люди куда реже вспоминают, что нас еще называют «галактистами» – за то, что помогаем человечеству стать галактическим. Мы ускоряем прогресс на отсталых планетах, помогаем тамошним цивилизациям проходить критические точки, и это куда благороднее, чем вести сателлитов курсом астрополитики Земли!

– Ах, Иван, – вздохнул Леонидас, – спецслужба умеет много гитик. Мы, как странники в ночи, забываем имена, данные мамой и папой, и привыкаем к агентурным номерам. Наши миссии – секретны, наши операции – тайны, но служим мы отнюдь не всем носителям разума, а лишь своим однопланетникам. Что, не любят они нас? Опасаются? Пугаем мы их? Так это всегда было! Люди не испытывают благодарности к тем, кто защищает их, не понимают, какую мы приносим пользу, не видят нужды в работе Галактической Безопасности. Но не все ж такие! Утешайтесь этим, Иван...

– Всё? – проворчал Свантессен. – Высказались?

– Да, – буркнул Иван Лобов, отворачиваясь к окну. Леонидас лишь кивнул, ласково и безмятежно щурясь.

Профессор Свантессен прокашлялся.

– Давиду Марковичу Виштальскому, курсанту Центрального прометеума, – произнес он торжественно, – вручается диплом ксенолога первой степени с присвоением звания младшего командора!

Давид ощутил слабость. Мир вокруг него поплыл, будто снова пошел сброс детализации. Из разноцветного тумана вынырнул наставник. Виштальский не видел его лица, только голубая куртка колыхалась в поле зрения. Он вперился в эмблему над левым нагрудным карманом: земной шарик с синими океанами и зелеными континентами на фоне эллипса галактической спирали.

– Поздравляю! – грянул Иван и стиснул протянутую Давидом руку.

– Спасибо! – выдохнул Виштальский.

Лобов нацепил Давиду на погоны две маленькие серебряные звездочки и отшагнул, словно любуясь новоиспеченным суперагентом.

– Ваше первое задание, галактист, – с улыбкой проговорил Свантессен, и протянул Давиду небольшой цилиндр. – Вы направляетесь на Тьет, на базу «Северный полюс». Командир базы – Жорж Лассав, планетарный координатор – Ахмед Бехоев. Начнете карьеру с должности, насколько сложной, настолько и важной – вы назначаетесь наблюдателем. Будете соглядатаем при дворе баррауха, по-нашему – короля, Цзанг-дзод-гукха Третьего, Потрясателя Суши видимой и невидимой, Великого Хозяина того, что есть и чего нет, и прочая, и прочая, и прочая. Нам очень важно знать, что делается в ближнем круге баррауха, на кого из свиты можно ставить, а кто из придворных хлыщей просто дурак и сиятельный тунеядец. Сложность же вашей миссии заключается в том, что вам категорически запрещается любое вмешательство. Любое! Даже если у вас на глазах будут пытаться друга, можно только наблюдать за допросом... Наблюдать и докладывать. Ясно?

– Да, – выдохнул Давид.

– Человечество Тьет очень похоже на нас с тобой, – подхватил Лобов, – разве что у них пятьдесят четыре хромосомы и сорок зубов. Их женщины красивы, как наши, ну и... В общем, это серьезная дополнительная трудность. Сам понимаешь, трудно пожалеть разумного слизня, а вот когда от боли кричит хорошенькая девушка.

– Я понимаю, – пробормотал Виштальский.
– Ну, раз так, – подхватил эстафету Леонидас, – то удачи вам, Давид! И счастливой работы!

Отдышался Дава уже в атриуме. Центральный прометеум был возведен в стиле внеземных баз – сплошные купола и галереи-переходники. Даже зимний сад выстроили в виде оранжереи под прозрачным колпаком – великой радости звездолетчиков, долгие месяцы не видевших травку. А в самой сердцевинке учебного заведения, там, где кольцевые коридоры обрамляли дворик-атриум, стояла бронзовая статуя Прометея – бога, ускорявшего прогресс вида «хомо сапиенс», помогавшего людям проходить критические точки.

По атриуму носились вдоль и поперек озабоченные курсанты, всклоченные и отчаянно вибрирующие, – шли экзамены. Почти каждый, пробегая мимо Прометея, хватался – на счастье – за его бронзовую длань, простертую над людьми-коротышками, сырыми и убогими, греющимися у подаренного огня. Длань сверкала, как надраенная.

«А мне это больше не нужно!» – довольно подумал Давид. Он-то свое отбоялся. Всё! «Госы» сданы, диплом в кармане. Дава прямо-таки лучился от счастья, поглаживая пальцами футлярчик с заданием. Он – галактист! Мечта сбылась...

Виштальский ощутил усталость и присел на один из диванчиков, расставленных вокруг памятника. Вытянул ноги, раскинул руки по мягкой спинке, зажмурил глаза.

...Ему всегда везло – так, во всяком случае, он считал сам. Повезло с няней Викой – ее мягкий грудной голос иногда даже снился ему. «Сорока-воровка кашу варила, деток кормила...» Няня была молодой и симпатичной особой – мама даже немного беспокоилась за отцовскую моральную устойчивость. Дава смутно помнил, как папа, сидя на диване, говорит утомленным голосом: «Сара, ты меня устала своей волнующей ревностью!»

И с воспитательницей ему повезло – Циля Наумовна была дамой непоседливой и чрезвычайно жизнерадостной. Но не содержала в характере даже атома легкомыслия – ее девизом было: «Целеустремленность, упорство, энергия!»

Няня Вика наградила его своей сентиментальностью и романтизмом, а Циля Наумовна заразила маленького Давидика занудливостью. Увы, именно так окружающие оценивали его стремление к совершенству. Они не понимали, что лениться – скучно, а зря тратить время на жмурки и футбол – глупо. И как им всё это объяснить?

Но больше всего Давиду повезло с учителем. И со школьными товарищами. Их было пятеро у Дмитрия Александровича – самая первая группа у недавнего лицеиста. Всегда серьезный Давид, юркий и быстрый Ричард, здоровенный Игорь по кличке Кнехт, хитрый и веселый Грига и тихий, монументально спокойный Степан. А потом их осталось четверо – тихоню Степашку поймали на том, что он вешал кошек. Затягивал на шее у мурки петлю из лески – и вешал.

Давид был тогда не просто потрясен – он был раздавлен, уничтожен, убит. Пришел печальный дядя из Психологического Надзора и увел Степана, по-прежнему тихого и спокойного. Учитель тогда долго объяснял им, что такое дисторсия психики, и почему иногда даже высшая педагогика бывает бессильна, и как с помощью гипноиндуктора проводят позитивную реморализацию, а неисправимым вживляют мозгодатчик или поселяют в зонах спецкарантина. Так Давидик впервые столкнулся с изнанкой хорошего и справедливого, чистого и прекрасного мира, впервые узнал, что не все люди добры и что есть целые планеты, удел которых – горе, несчастье, нищета, страх. И у Давида появилась цель – он мучительно, до болезненного спазма, захотел сделать счастливыми всех носителей разума, подобных ему самому, все человечества, рассеянные по Млечному Пути.

Учитель, поняв склонности ученика, познакомил Давида с Иваном Любовым, галактистом. «На необитаемую планету, – гудел Иван добродушно, – посылают людей, которые

собираются перестраивать ее природу. В инопланетное общество посылают людей, которые собираются перестраивать сам социум». Лобов долго пугал Давида серой текучкой буден агента КГБ и пугающей отдаленностью результатов вмешательства, но тот был тверд.

Когда Давиду исполнилось двенадцать и вся семья собралась за столом, он заявил, что не будет врачом, как папа, или инженером, как мама. «А кем же наш Давидик хочет стать?» – засюсюкала тетя Муся. «Галактистом!» – отрезал Давид. Прошло ровно десять лет – и он сдержал это обещание, данное самому себе.

– Курсант, вы почему не на занятиях? – прогремел лекторский голос. – Ваша фамилия?

Давид открыл глаза и увидел Силантия Ахмедовича, читавшего им планетологию.

Встав и аккуратно одернув комбез, Виштальский ответил:

– Давид Виштальский, младший командор.

Препод хмыкнул – и протянул лопатообразную ладонь. Дава вцепился в нее и крепко пожал.

2

Григорий Зикун, он же Грига, он же Зикунвишна, парнем был сметливым и даже хитроумным. Однако природная лень, родившаяся прежде него, не давала как следует разгуляться смётке с хитроумием, и это не единожды уберегало Григу от рукоприкладства и членовредительства, ибо невежественные студенческие массы не всегда по достоинству оценивали выдающиеся способности Зикунвишны. Учитель Зикун, сказал ему еще на выпускном, полушутливо-полусерьезно: «Или ты станешь великим человеком, или великим негодяем». Из чего Грига сделал вывод, что ему остается подыскивать постамент под будущий памятник себе любимому, ибо негодяй из него не получился. Вот только что напишут на постаменте?

Грига учился на инженера-контролера, учился легко, но без особого желания – лишь бы диплом заиметь. И каждый год пытался поступить в Центральный прометеум. Его уже узнавали в приемной комиссии, хвалили за упорство, однако на экзаменах валили по-прежнему – без пощады и жалости.

В прошлом году, в четвертый свой приход, Григорий умудрился сдать первый экзамен – по истории. Зато срезался на втором. Их тогда вывели на полигон, сунули каждому по лучемету в руки и дали задание: пройти в некий Центр, сохранив по дороге жизнь и максимум здоровья, – новичков проверяли на скорость реакции, на координацию движений, на быстроту разума.

Грига одолел метров сто и попал в засаду – три биоробота бесшумно накнулись на него, возникнув из зарослей ужасных древовидных папоротников. Короткий бой закончился со счетом «один – ноль». В пользу роботов.

И поплелся «условно-убитый» Грига обратно, дожидаться пятой попытки. Дождался. Провалился. Правда, он стал инженером, но это как-то не впечатляло. Ну, стал себе и стал, подумаешь.

Почему он так рвался в прометеум, Зикун, внятно объяснить не мог. Всю жизнь носиться с факелом цивилизации по Галактике, даруя прогресс недоразвитым расам? Нет, сие нездоровое занятие не влекло Григу. Пожалуй, ему была мила служба как таковая – в полувоенном КГБ, где понятие «офицерская честь» было еще в ходу. Григорий буквально переставал дышать, благоговей и отчаянно завидуя, когда встречал курсантов прометеума. Эти мундирчики. Эти погоны. Девчонки так и липли к «галактистам» – лощеным, стопроцентным, уверенным в себе парням, которым сильно повезло – они поступили-таки в элитное учебное заведение. Так, во всяком случае, думал Грига.

В пору экзаменов он любил заходить в Центральный прометеум, где в круглых коридорах висели портреты самых выдающихся футурмастеров Планеты – Иржи Корды, Форрестона Канна, Олега Зенкова. Грига делал вид, что он – «один из»: курсант, еще не убывший на короткие каникулы.

Зикунов гордо вышагивал по коридорам, имитировавшим тоннели-переходники внеземных баз, и представлял, как на эту вогнутую стену... или вот на эту... вешают и его портрет – анфас или вполоборота. Мужественное, посеченное шрамами лицо героя-космопроходца Г. А. Зикунова будет влечь к себе девчонок, как магнит – железные опилки, а преподады станут с умилением рассказывать притихшей экскурсии о проделках Григория Алексеевича в бытность его курсантом...

– Красота! – отчетливо произнес Грига, еще не покинув сады мечтаний.

– Красота – это по моей части! – рассмеялась Виолетта Бока, неделю тому назад окончившая курсы персонала обеспечения при Центральном прометеуме. Как раз красавицей она не была – просто хорошенькая девочка, очень миленькая, однако с детства убежденная, что она неотразима. Правда, фигурку Виолетта имела на «пять», а своим обаянием пленяла на «раз».

– Да кто ж спорит! – вскричал Ричард Сидоровс, бледнолицый прибалт, светловолосый и светлоглазый, словно выцветший на ярком солнце.

– Вот он! – Виолетта указала пальчиком на Григу. – У меня такое ощущение, что под красотой он понимал вовсе не мои внешние данные!

– И с этим человеком мы сидели в одной аудитории! – уничтожающе сказал Рич. – То есть как бы вместе учились! – Задумавшись, он выдал: – И дули пиво мы из одного сосуда, пока еще полна была посуда. Холодил ледяной напиток. Э-э. На два горла – одна простуда!

– Целовали одну Василису Прекрасную, – подхватил Зикуновишна и молниеносно пригнулся, уходя от девичьего негодования. – Пустое! – воскликнул он. – До вас еще не дошло? Мы отучились!

– Отмучились, то есть как бы, – согласился Рич.

– Нет, – помотала головой Вита, – отмучились преподады, а вы получили высшее образование.

– И дипломы!

– Так это великое событие, то есть, как бы, следует достойно отметить! – всполошился Сидоровс, еще один инженер-контролер, готовый облагодетельствовать Планету.

– О! – воздвиг палец Григорий. – Золотые слова!

Вита Бока обернулась к главному входу прометеума – и заметила спускающегося по лестнице рослого крепкого парня с серьезным выражением лица.

– Дава! – закричала она. – Привет!

Парень обрадованно вскинул руку и повернул к девушке.

Грига стиснул кулаки.

– Только этого зануды нам еще и не хватало, – выговорил он.

– И ничего он не зануда! – вступилась за Давида Бока. – Нормальный парень.

– Да он даже шуток не понимает!

– Зато над своими хохочет как ненормальный, – добавил Рич.

– Это потому, – отбрила девушка, – что вы смеетесь животом и ниже, а Давидик – головой! Не доросли вы до его юмора.

Грига поморщился только – и отвел глаза. Ровно пять лет тому назад Давид Виштальский стал его врагом. Сам Давид об этом даже не догадывался – Зикуновишна по-прежнему улыбался однокашнику, здоровался, бодро интересовался, как жизнь молодая. Так все выглядело снаружи, а вот внутри Григу съедал неугасимый пламень зависти – Давид поступил в Центральный прометеум. Поступил с первого раза! Да уже одного этого хватило бы, чтобы

лелеять мысль о страшной мести. А потом к завидкам прибавилась ревность – Виолетта влюбилась в Давида.

Бока всегда дружила и с Григой, и с Ричем, но держала обоих на дистанции. Каждый из них хоть раз, да пытался уложить эту красотулю к себе в постель. Красотуля, однако, не давалась, а на прямые вопросы отвечала, что это у нее принцип такой – никакого секса с друзьями! Может, она потому и увлеклась Давой, что тот ее не домогался?.. Да и вообще, какая у этого зануды могла быть личная жизнь, когда он или Малый информарий обнимал, или кристаллотеку тискал? «Так чтоб мне была такая жизнь, – подумал Грига, – вырванные годы!»

Однако злая ревность все равно взбурлила в душе, поднимая злую муть, возбуждая непотребные желания.

...Когда возбужденный Рич поведал Григе, что у Боки с Виштальским роман, тот просто помертвел – это слово лучше всего передает тогдашнее его состояние. Он продолжал шагать рядом с Сидоровсом, плохо различая окружающее и не слыша, о чем болтает Рич. Вокруг словно наступило затмение, а жилы сковал ледяной холод.

Пробродив по улицам до вечера, Григорий набрался отваги и завернул к Вите. Девушка выглядела притихшей, будто знала, в чем ей собираются признаваться. Григорий еле выдавил: «Вита, я... влюбился в тебя...» Девушка мягко улыбнулась и ответила, негромко и ласково: «Ничего, Гриш, однажды повезет и тебе...»

Признание облегчило Зикунову душу, а мягкий отказ наполнил ее смутением и тоской.

Вита продолжала встречаться с Давидом. Странная была парочка. Бывало, поругаются и ходят как потерянные, а после мирятся. И отмечают мир разнузданной страстью. Однако мирное время не затягивалось – дня три Вита ходила нежная и ласковая, а потом снова что-нибудь было не по ней – и начиналось. Уж больно самостоятельной была натура у этой девушки, не желала она прятаться за каменную стену, а хотела она, чтобы было так – вот мужчина, вот она, и вместе по жизни, рядом, шагом марш!

А Грига лишь бесился молча и желал сопернику зла. Что только ни приходило в голову отвергнутому! Правду говорят: ревность – мотив преступления. Хотя. Вряд ли Грига решился бы подкараулить Давида с кривым кинжалом, как бывало в его горячечных мечтах, – духу бы не хватило на совершение... того самого. Зато перед сном он с лихвой компенсировал недостаток храбрости, представляя в мечтах, как он избивает Даву, молотя скулящего галактиста руками и ногами. Или как он, мужественный и суровый Григорий Зикунов, спасает трепещущую Виту, а заодно и ее хныкающего Давидика, обмочившегося от страха. Трепещущая Вита, само собой, затихает в его объятиях и томно шепчет: «Я – твоя...»

Н-да. Учитель, наверное, в ужас пришел бы, узнав о подобных грезях!

А неделю назад Грига добыл-таки орудие возмездия.

...Вита кинулась к Давиду, поздравляя младшего командора и подлаживаясь.

– А я слышала, – промурлыкала девушка, – что есть такой обычай у офицеров – звездочки обмывать. Они их бросают в бокал с шампанским и...

– Ну, я человек не военный... – затянул Давид.

– Полувоенный, – хихикнул Ричард.

– Ладно, – несколько раздраженно сказал Зикунов, – пошли с нами, отпразднуем этот великий день!

На лице Давида отразились сомнения, и тут вмешалась Виолетта.

– Пошли, Дав, – сказала она ласково, – посидим немного, выпьем чего-нибудь легонького.

– Ну, если легонького, – скупно улыбнулся Виштальский.

Девушка демонстративно взяла его под руку и зацокала каблукчиками, независимо вертя кругленькой и очень юркой попой. Давид шагал неслышно, скользящей пружинистой походкой, смахивая на громадного кота.

– Зря ты его позвал, – зашипел на Зикунова Сидоровс. – Он же все испортит!

– Да есть у меня одна идея... – туманно высказался Грига и коварно улыбнулся: – Месть сладка!

Выпускники – двое инженеров-контролеров, младший командор и прехорошенькая сервис-оператор – долго гуляли по парку, кормили белочек, пока их здоровые голодные организмы сами не возжелали подкрепиться. Тогда вся компания свернула на главную аллею – и вот за стволами сосен мелькнула длинная веранда, уставленная столиками. За столиками сидели люди, они ели и пили, смеялись, болтали, кто-то наигрывал на концертоне, а трое девчушек старательно пели, часто ломая мелодию прысканьем в кулачки.

Грига с Ричардом живенько сдвинули пару столиков, и компания расселась вокруг. Тут же подкатил кибер-официант.

– Ну не съешь же столько! – попеняла Вита Григе, заказавшему целую гору съестного.

– Пустое, – мрачно ответил Зикунов, – шо нэ зым, то понадкусю! – и делано расхохотался. – Я, когда голодный, всегда много набираю!

– Вот только попробуй не съесть!

Многорукий робот вернулся, в каждом манипуляторе держа по подносу, и живо накрыл на столики.

– Ух как пахнет! – понеслись голодные возгласы.

– Виолеточка, хочешь котлеточку?

– Сам ешь!

– А вот кра-абик... Хочешь крабика?

– А выпить вы, то есть, как бы, забыли заказать?

– Что ты, что ты. Как можно!

– Даже кислое вино нам для радости дано, – продекламировал Сидоровс с наизиданием, – и поэтому оно пьяной сладости полно!

Грига водрузил посреди стола серебряное ведро с шампанским, ловко открыл бутылку и разлил шипучий напиток по бокалам.

– «Вдова Клико» урожая двести тридцать второго года, – со знанием дела сказал он, – благословенный год для Шампани!

– За что будем пить? – Вита посмотрела на Виштальского сквозь бокал. Тот улыбнулся.

– Обмоем дипломы, – деловито сказал Ричард. – Ну, за нас!

Дробно зазвенел хрусталь.

– А тебя куда, вообще, посылают? – небрежно спросил Грига у Виштальского. – Если это не секрет, конечно.

– На одну отсталую планету, – сообщил Давид, поглядывая на Боку. Девушка бросала взгляды в ответ, разжигая на щеках Виштальского румянец. – Называется Тьет. Пока наблюдателем, а там видно будет.

– Да ты до старости останешься в наблюдателях! – не сдержался Зикунов.

– Почему это? – удивился Давид.

– Потому... – буркнул Грига и неожиданно разговорился: – Ты же всегда был правильным мальчиком, отличником с примерным поведением, отрадой учителя и преподавателей!

– Я и няню свою радовал, – пожал плечами Давид, – и воспитателей в яслях.

– Вот, и я о том же, – продолжал Грига с досадой. – Ты всегда всё знал, а твои контрольные можно было сразу в вакуум прятать – для пущей сохранности, как эталон. Ты ужасный аккуратист и педант! Теоретик из тебя получился бы, не спорю, но что тебе делать на чужих планетах? Там такие, как ты, не приживаются и не выживают, там нельзя работать по прави-

лам и образцам, в рамках стандартной модели истории, там надо постоянно импровизировать, применяться к обстоятельствам. Надо быть гибким! Гнуть свои принципы надо, понимаешь? А разве тебя согнешь? Ты же закоснел, пункты и параграфы скрепили тебя на всю жизнь. Вот ступишь ты на другую планету – и сразу примешься согласовывать каждый вдох и выдох со стандартной теорией!

– Ты неправ, – спокойно ответил Давид, – и не знаешь меня. Одно скажу – я не в восторге от стандартной модели.

– Во! – удивился Рич. – И что в ней тебе не нравится?

– Застывшая схема, – уверенно сказал младший командор. – Любой внешний фактор, не учтенный в модели, ломает базис.

– Да ну вас с вашими базисами, – надула губки Виолетта. – Пошли, потанцуем?

Она схватила за руку Виштальского и потащила его танцевать. Тут же ожила парочка музыкантов – уперев стержни концертонов в колени, они стали водить пальцами по блестящим поверхностям инструментов, и нежная мелодия заполнила веранду. Грига мрачно уставился на Боку, порхающую с Давидом. Красивая пара. Виштальский говорил что-то девушке, та смеялась, потом притихла, прижалась к партнеру. А минуту спустя сердце Григи дало сбой – Виолетта завела руку за спину и опустила пятерню Давида куда ниже талии. Виштальский и вторую ладонь вмял в тугую попку. Зикунов резко отвернулся, воззрясь на одинокую ель у фонтана.

– А что у тебя за идея была? – вернул Григу за стол голос Ричарда.

– Да так... – неохотно проговорил Зикунов. – Хотел поменять Давиду задание.

– Во! – восхитился Сидоровс. – Здорово! То есть, как бы прилетает Дава, выходит. А за бортом не Тьет! Здорово. А куда ты его вместо Тьета?

– Да есть там одна планетешка, Маран-им называется, – проговорил Григорий, морщась, – затея уже казалась ему глупой и детской. – Я как-то скачал координаты. Хотел ему еще на практике сюрприз устроить.

– Ну, так чего ты? – сказал Рич с воодушевлением. – Давай, подкинем Даве сейчас! Пускай прогуляется куда не надо. Галактист, перепутавший планеты... Это же прикольно! Расшаркается там – извиняйте, дескать, не туды меня занесло!

Григорий пожал плечами и достал из кармана цилиндрик. Куртка Виштальского висела на стуле: вытащить одно задание и подбросить другое было делом секунды.

Кончилась музыка, и Бока с Давидом вернулись к столу. Шли они не спеша, взявшись за руки.

– Ну ладно, мальчики, – сказала девушка, – мы пошли!

Виштальский подхватил свою куртку, и они пошли. Ричард тихонько хихикнул.

3

Давид ступал медленно, сдерживая свой широкий шаг, и держал в руке узкую ладошку Виты. Девушка шла рядом, задумчиво склонив голову. Было похоже, что она глубоко погружена в мир собственных мыслей.

Да Виштальского и самого в эти медленно текущие мгновения переполняли думы тяжкие и беспокойные. Как тут Вита одна, без него? Глупый вопрос – девушка не бывает одна, даже если сильно того захочет. А с кем она будет? Дождется Вита его возвращения со звезд? Дождется, если в ее хорошенькую головку придет глупая мысль – угробить три года лучшей своей поры! Клятву верности она не давала, а требовать таковую гнусно. Что ж делать-то, а? Как распрощаться с девушкой так, чтобы по щекам ее не текли эти проклятые слезы, разжижающие самые твердые, самые закаленные мужские сердца? И как ему, балбесу, ответить на самый главный вопрос: любит ли он Виту? Она-то его любит, это ясно, и ей куда

легче – перед ней не стоит проблемы «любит—не любит—плюнет—поцелует». А он? Влюбленность у него была, Дава помнил это щемящее чувство. И нежность была. И страсть. А любовь? Замечательно. Тогда для начала неплохо было бы определить понятия. Любовь – это что?

Его размышления перебил голос Виты:

– Ты улетаешь надолго?

– На три года.

– Это почти на всю жизнь.

– Я буду прилетать в отпуск, каждый год. Девушка только вздохнула и крепче сжала его ладонь.

– Знаешь, почему я с тобой вечно ругаюсь? – заговорила она жалобно. – Не потому, что я такая, сварливая и злая. Просто не хочу я, чтобы ты улетал! Хочу, чтобы ты был здесь, со мной! Понимаю, что так не получится, вот и злюсь. Скажи: «Чего пристала?»

Давид остановился и обнял Виту. Поцеловал в лоб, в нос, в щеку, добрался до ушка.

– На нас смотрят... – пробормотала Вита, не раскрывая глаз.

– Пусть смотрят.

Виштальский прервал свое увлекательное занятие и оглянулся. Незаметно они вышли на Спиральный проспект, одну из центральных магистралей, где всегда толпился народ. Проспект был очень широкий, обсаженный краснокорыми соснами, окаймленный блестящими стенами домов.

Виштальский повел Вику напрямик, к центральному скверу, делящему проспект на две улицы-площади, улицы-аллеи, улицы—зоны отдыха.

– Давид! – послышался оклик, и из зарослей кустарника выбрался полный жизнерадостный человек со шкиперской бородкой. Плотные тела его были туго затянуты в серый комбез.

– Карл?! – радостно удивился Виштальский. – Ты уже вернулся?

– За инструкциями! – захохотал бородатый. – Представляешь, на Ксоре приключилась революция, совершенно не предусмотренная Экспериментом. Сирги погнали волну!

– Сирги?..

– Это вы не проходили! Сирги – сословие на Третьем материке.

– Ага... – перебил его Давид. – Знаю. Переходная фаза, да? Уже не сельхозработники, но еще не дворяне.

– Нет, – спокойно ответил Карл. – Сирги – морально-этические фундаменталисты, фанатики нравственности. Ну ладно, не буду вам мешать! Пока!

– Пока.

Вита весело помахала ручкой удаляющемуся Карлу и тут же набросилась на Давида.

– Что у тебя за привычка такая – людей перебивать? – принялась она выговаривать ему. – Зачем обязательно надо показывать свои глубочайшие познания и бездну интеллекта? Дай человеку сказать!

– Вот, не можешь ты, – притворно вздохнул Давид, – чтобы не сделать хоть одно замечание.

– А от кого ты еще узнаешь правду о себе? – трезво рассудила девушка. – Мне все видно со стороны, и я желаю тебе добра. А в разговоре с Карлом ты выглядел очень несолидно. Как тот подросток, что нахватался по верхам, – его распирает и пучит информация, вот-вот лопнет от избытка!

– Ладно, – сказал Виштальский, ощутив досаду – неужто он и впрямь так себя ведет? Срамота!

– Что – ладно?

– Буду солидно молчать, – кротко пообещал Давид. – И слушать. Тоже солидно.

- Пошли ко мне, – решила Вита внезапно.
- Пошли, – согласился Давид.

Проснулся младший командор поздно, часов в девять утра. Открыл глаза – и увидел над собой незнакомый потолок, тот был расчерчен вдоль и поперек на разноцветные квадраты, излучающие мягкий свет.

Давид расплылся в нежной улыбке. Он был у Виты. Вчерашний день сразу всплыл в памяти, и вечер, и половина ночи.

Виштальский уловил тихое посапывание и осторожно повернул голову. Вита лежала рядом, по-детски сложив ладошки под щекой, подтянув к себе одну ногу и вытянув другую. Крутой изгиб бедра так и влек к себе, но Давид сдержался – пусть поспит, они заснули поздно.

Медленно, как истинный мастер скрадывания, Виштальский опустил ноги на черный матовый пол и вышел из спальни на цыпочках.

Его голубые шорты обнаружились на полу в гостиной, а голубая куртка, скомканная и перекрученная, лежала в окне линии доставки.

Одна из сандалий валялась под столом, а вторая. А вторая нашлась за дверьми квартиры, возле самого эскалатора. Давид подцепил сандалию пальцами и ступил на лестницу-чудесницу. Эскалатор мягко повлек его вверх, через проем в полупрозрачной кровле, и вынес к посадочной площадке. Старый отцовский «Кондорито» занимал почти половину крыши и мок в гордом одиночестве – с пяти до полшестого над Медведково проливали дождь. Было свежо, но не холодно.

Виштальский похлопал глайдер по холодному боку, словно извиняясь, – он оставил машину еще на той неделе, – поднял гладкий прозрачный фонарь. Колпак вышел из пазов с поцелуйным звуком, и тут же донесся тихий и грустный голос:

- Ты уже улетаешь?

Давид обернулся. Виолетта стояла, закутанная в одеяло, и смотрела на него – с печалью, с нежностью, с тревогой и жалостью. Век бы рассматривал, что там такое мелькает – в спектре излучения милых глаз.

Виштальский быстро подошел к девушке и обнял ее, теплую после сна, уютную и домашнюю.

- Там всё будет такое чужое, – зашептала она, доверчиво прижимаясь, – такое не наше.
- Тьет похож на Землю.
- Никакая планета не может быть на нее похожа. А если и похожа, так что? Знаешь, сколько на Земле домов? Ну вот. А родной дом – один всего...
- Я же не навсегда.
- Ты возвращайся.
- Обязательно!

Давид поцеловал Виту в самый последний раз и запрыгнул на место водителя. Двигатель едва слышно запел, «Кондорито» плавно поднялся в воздух и заскользил, делая круг. Вита внизу отпустила одеяло и замахала обеими руками. Такой ее и запечатлела память Давида.

Радиобраслет вежливо напомнил Виштальскому, что он опаздывает.

- Ах ты...

Мотор тихонько завыл, хапая лишнюю энергию, и за глайдером потянулись клубы искристой изморози. Стройные здания московских окраин, прорастающих из зелени бескрайних садов, проплывали совсем рядом, бликуя стеклянными этажами.

Ни с того ни с сего на Давида накатило ощущение счастья. Как в детстве, когда ты готов скакать и орать просто от того, что сегодня с утра – воскресенье, и не надо идти в школу, а за окном солнце, и соседский Мишка уже верещит со двора, нетерпеливо вопрошая: «Дав, ты скоро?!»

Виштальский зажмурился. Он провел ночь с потрясающей девушкой, а теперь настало утро его первого рабочего дня, утро отлета на далекую-предалекую планету!

– А вы как думали? – прошептал Дава, обращаясь к легиону не веривших и не понимавших, к сонму хихикавших, сплетничавших, злорадствовавших. Что?! Съели?!

Помалу остывая от великолепного чувства, Виштальский поглядел на часы. М-да. Будь он королем, его бы стоило обвинить в невежливости. На глайдере не успеть. Дава отжал ручку от себя, и город внизу кинулся ему навстречу. Где-то здесь он видел павильон нуль-портала. Вон он!

«Кондорито» засвистел, снижаясь над маленькой площадью, завис и мягко приземлился. Откинув колпак, Виштальский выпрыгнул на мостовую и почесал к павильону, за прозрачной стенкой которого стояли всего двое – девушка, затянута в сари, и долговязый юноша в пестрой рубашке и коротких штанах-«пифагорах».

Пока Давид добрался до портала, занимать очередь стало не за кем – долговязый уже переместился, куда ему надо было.

Пыхтя то ли от усердия, то ли от страха опоздать (и опозориться на весь обитаемый космос!), Дава ворвался в павильон, встал на стартовый круг и вытаращился на клавишную панель. А шифр-то какой?! Он трижды щелкнул кнопкой «0», и нежный девичий голос прошептал:

- Справочная.
- А скажите, – заторопился Виштальский, – какой номер у космодрома КГБ?
- Северного или южного?
- Северного, северного!
- Восемь – триста шесть – десять – ноль девять.
- Спасибо!
- Пожалуйста. Ваш обратный номер – сто три – семнадцать – триста пять.

Не слушая, Давид набрал восьмизначную комбинацию и утопил красную стартовую клавишу. Площадь с брошенным глайдером исчезла за сиреновой вспышкой, а тихий медный звон засвидетельствовал прибытие. Северный космодром КГБ.

Природа будто мурлыкала под горячим солнцем, дремля в неге и покое. В березовой рощице всюду чирикали пичуги, из-за деревьев доносились гулкие удары по мячу – космодромная команда играла в волейбол, а на плоской крыше регистратуры кто-то загорал топлес.

Миновав регистраторы, Виштальский вышел на обширное взлетное поле, с трех сторон окруженное великанскими соснами и миниатюрными елочками. С четвертой стороны пузырилась связка куполов космопорта, а в центре чернели рабочие нуль-звездолеты – их псевдоживые шары вбирали энергию на солнцепеке.

Шаги по удобной рубчатке были почти неслышными. Виштальский подбежал к ближайшему звездолету, пнул диафрагму люка. Та негодуя лопнула и пропустила пассажира на борт.

Влетев в рубку, Давид бухнулся в кресло, нашарил в кармане заветный цилиндрик с заданием и сунул его в приемное гнездо. Приборы тут же ожили, расцветился панорамный экран, и кораблик вздрогнул. Без шума, без пыли поднялся в воздух, пошел вверх с ускорением.

Настроение у Давида снова поднялось. Однажды, в третьем классе, они с Кнехтом забрались внутрь настоящего звездолета, даже в рубку проникли. Само собой, их оттуда

быстренько турнули. Да и толку? Все равно пульта были заблокированы. А теперь у него допуск в космос. Настоящий.

– Уметь надо! – гордо заявил Виштальский. Корабль промолчал.

Горизонт распаивался и распаивался, пока край Земли не начал отчетливо закругляться. Канули вниз облака, все цвета затмила синева стратосферы. Заблестело вверху овальное брюхо контрольной станции, похожее на днище корабля, если смотреть на него из глубины.

– Вы находитесь в стартовой зоне, – сообщили автоматы.

Дава сверился с надписью над экраном и четко проговорил:

– Корабль третьего класса И-Эф семнадцать, серии Ка-Эл-Бэ, Зет-шестьсот восемьдесят пять по реестру космофлота, просит разрешения на выход в нуль-пространство.

– Программа на переход согласно заданию? – уточнили с контрольной станции.

– Да!

В любое другое время Виштальский обязательно бы проверил программу предстоящего перелета, но он здорово опаздывал – впервые в этом году! – и пунктуальность перевесила обычную дотошность. Давид повключал всю защиту и стал дожидаться старта.

Мудрые кибермозги контрольной станции не стали журить легкомысленного пилота, собравшегося на запретную планету Маран-им. Они передали на борт варианты нуль-перехода и инициировали старт.

Маленький черный шарик корабля колыхнулся, как мираж, и медленно растаял, только кристаллики вымороженного воздуха рассеялись иглистыми блестками.

После второго промежуточного выхода из нуль-пространства началась обратная трансгрессия. Давида слегка поташнивало, когда звездолет вынырнул в нормальном трехмерном мире, битком набитом светилами.

Одно из них, желтый карлик с «родинками» солнечных пятен, сияло не точкой, не шляпкой хрустального гвоздика, а рыхлым комом горящей материи. Звезда ярко высвечивала финиш-планету – огромный розовый диск, словно вырезанный в черноте космоса. Неподалеку сияли два кругляша поменьше – луны.

Виштальский изрядно хлебнул тоника и отдышался.

– Ну и дорожка... – проворчал он, вырубая автоматику перехода, и поздравил сам себя: – С прибытием, Давид Маркович!

Он включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе. Ничего особенного: шесть планет и два пояса астероидов. Тьет была второй – на малый монитор вылез пятнистый красно-оранжевый серп, вокруг – четыре серпика поменьше.

– Позвольте. – растерянно сказал Давид.

Он резко склонился к пульту. Все правильно: Тьет имела четыре спутника. Но здесь то их два всего! И почему атмосфера такая прозрачная? Вон, оба материка видать. Оба?! На Тьет всего один континент! И его не увидишь с орбиты, очень уж плотная атмосфера, толстая и запыленная.

Виштальский глянул на обзорный экран – розовая планета заняла его весь без остатка.

– Я куда прилетел?! – заорал Давид и опомнился от собственного крика. Чего теперь то орать? Намудрил где-то, накосячил. Стоп. Где он мог оплошать? Ему дали задание. Он его ввел для корабельного компа. Так что же, машина виновата? Не туда доставила?

– Идиотство какое-то... – пробормотал Виштальский.

Проблему взялся решать компьютер-интелмат, и на мониторе высыпали цифры. Расстояние планеты от светила – полторы астроединицы. Наклон оси – двадцать четыре градуса. Продолжительность суток – двадцать пять часов. А у Тьет?

А у Тьет – двадцать восемь часов и сорок минут. Короче, это не Тьет.

– Ясен пень, – буркнул Давид.

Он положил пальцы на контакты биоуправления и повел звездолет вниз. Внизу, прикрытый зыбкой спиралью циклона, лиловел океан.

– Вода, вода, – мрачно пропел Виштальский, – кругом вода.

Колоссальный шар планеты вращался под ним, и скоро с востока наплыл зелено-бурый простор западного материка, отделенного от восточного нешироким морем, вытянувшимся от полюса до полюса. «Наверно, тектонический разлом», – сообразил Давид и забубнил:

– Земля, земля. Кругом земля.

На втором витке корабль вошел в плотные слои, и внешняя акустика донесла грохот и вой рассекаемого воздуха.

– Состав атмосферы, – монотонно заговорил комп. – Азот – семьдесят восемь целых четыре десятых процента. Кислород – двадцать целых две десятых процента. Аргон – ноль целых девять десятых процента. Давление – единица. Рекомендуется инъекция локальной биоблокады.

– А то я без тебя не догадался бы, – проворчал Давид и привстал. Щупальце киберхирурга мигом приложило к ягодице Виштальского автоинжектор и ввело дозу. Кряхтя, Давид опустился обратно.

Корабль перешел в горизонталь и помчался на высоте километра. Внизу проплывала холмистая степь, потом пятнами пошли рощицы деревьев, постепенно слившиеся в сплошной зеленый полог. Зеленый! А на Тьет растительность оранжевая.

Из-за горизонта появилась серо-синяя масса хребта. Зелень штурмовала высоты, забираясь клиньями между гор, там, где из прорезей каньонов рушились на равнину водопады, белые от пены, как разбавленное молоко. И повсюду – в горах, в низинах – из грунта выпирали в небо гигантские, циклопические сооружения. Громадные мачты с зеркальными дисками. Решетчатые параболы, похожие на клетки для радуг. Перекошенные синусоиды.

Ого, фактура какая! Если все это, конечно, аборигены понастроили, понатворили. «А из нашего окна площадь Красная видна...» А из нашего окошка что видать? Технический послед сверхцивилизации или следы деятельности местной ВЦ? Давние следы, остывшие. Уж больно всё запущенное, ветхое. Древностью так и веет, сквозит просто.

Сесть Дава решил в предгорьях. В обратный путь ему не хотелось. Да и куда теперь спешить? Всё равно опоздал. Часом больше, часом меньше. И как оправдываться? Какую уважительную причину изобрести? Можно себе представить теплую встречу в КГБ. «Что, Дава? Промаяхнулся мимо Тьет? Целиться надо было лучше!»

Виштальский поморщился. Хорошенькое же у него начало трудовой деятельности!

– Идиотизм... – выцедил он и твердой рукой повел нуль-звездолет на посадку. Осмотреться хоть. Прикинуть, кто виноват и что делать.

Корабль замер над большой поляной, обрамленной грузными деревьями с оплывшими, ребристыми стволами и очень толстыми сучьями, утыканными, как султанами, пучками длинных мягких игл.

Антигравы мягко опустили звездолет точнехонько посреди поляны.

– Приехали... – проворчал Дава, отстегивая широкие эластичные ремни. И зря.

Корабль неожиданно сотрясся, завывла сирена УО – ударной опасности, но было поздно – с гулом и треском Ка-Эл-Бэ, на жаргоне звездолетчиков – «колобок», рухнул в огромную глубокую яму. Опрокинулся и упал боком. Толстые колья, торчавшие со дна ямы, пробили индикаторное кольцо, содрали эллипсоидную антенну нуль-передатчика, смяли ее в ком. Конец связи!

Даву сначала бросило на обзорник, где крепко приложило к экрану, потом отпасовало к мягким панелям на стене, вышибая воздух из легких, и швырнуло обратно на пульт.

– Авария при посадке! – верещал комп. – Авария при посадке! Ав.

Дава саданул интелмат локтем по корпусу – и тот заткнулся. Тихо стало. Только и слышно было, как что-то пересыпается в агрегатном отсеке, шипит легонько и потрескивает.

«Сел, называется...» – подумал Давид в полном ошеломлении. Отжавшись на руках, он подтянул ноги. Уставился в обзорник, наполовину затянутый млечной пеленой. Там, где экран был цел, проглядывали оплывший край ямы и здоровенный обрубок бревна, заточенный под конус. Острие опасно блестело, словно лакированное. Надо полагать, щедро смазано ядом.

– Идентификация прошла, – педантично доложил компьютер, – корабль находится в охотничьей яме-ловушке.

– Ты заткнешься или нет?! – заорал Давид. – Умник нашелся!

Успокоившись, он задумался. Его готовили к работе в условиях феодализма, а здесь первобытное общество. Может даже и так быть: неведомые строители тех громадин в горах и на равнинах одичали после какого-нибудь глобального катаклизма, опростились. Ну, и что с того? Он назубок знает инструкцию, запрещающую самостоятельные контакты, и нарушать запрет не собирается. Всё, тема закрыта. Но... как быть-то? Всё равно ж придется как-то договариваться с туземцами! А иначе кто ему поможет выкатить из ямы корабль и поставить его в положение нормальной посадки? Тут тонн десять, а киберов на борту ноль целых и хрен десятых. Кстати, о нулях.

Давид сунулся к панелям пола, ставшего бортом. Снял одну, снял другую. Аккумулятор целехонек, обе блок-емкости полны под завязку. А вот нуль-передатчик. Давид уныло посмотрел на сплавившиеся интерфазники. Они были еще горячими и отчаянно фонили. Толстенный кол не пробил днище, но вмял борт, сдавливая трансмиттер. Его и пробило.

– Идиотизм, – резюмировал Виштальский и громко сказал: – Объявляю данную территорию зоной контакта!

Он натянул походный комбинезон, рассовал инструменты по карманам. Обыкновенным шприцем ввел в кровь систему нанороботов-ассемблеров. Через пятнадцать минут они сформируют малюсенький универсальный транслятор – где-то в лобной доле – и соединят его с аксоном слухового нерва – будем учить язык аборигенов.

Внешний люк оказался как бы на потолке, пришлось к нему вскарабкаться по полу, ставшему стенкой. Дава дотянулся до внешней мембраны, та чавкнула, раскрываясь. Подтянувшись, он вылез на корпус корабля. Край ямы, опушенный травой, задирался выше головы, но сучковатые бревна настила, прятавшие ловушку от местной дичи, послужили Давиду лестницей. Неудобной. Шепотом ругаясь, Виштальский выбрался на поверхность.

Он посмотрел вниз, на поваленный корабль – и покачал головой. Это каких же чудищ отлавливают местные любители колбас и жаркого? Мамонт сюда аккурат впишется.

Виштальский прислушался. В лесу было тихо, только иглы на неподвижных деревьях шуршали под ветром. Давид нерешительно двинулся, обходя яму по кругу и все далее углубляясь в лес. Совершая третий виток, он остановился – и на него тут же упала тяжелая, крупноячеистая сеть.

– Ох, ты...

Рефлекторно пригнувшись, Виштальский рванулся в сторону, но сеть резко натянулась, подсекая ему ноги и опрокидывая. Сквозь переплетение толстых, мохнатых веревок с палец толщиной Давид разглядел ловцов – это были рослые гуманоиды, узкоплечие и длиннорукые, с кожей медного оттенка. Лица – не отличить от земных, лоб и щеки покрыты спиралями да петлями, нарисованными белой и зеленой красками. На ногах у всех – мягкие сапоги, а широкие пояса удерживают кожаные юбки.

Охотники были вооружены двойными копьями.

– Вы что, сдурели? – грозно сказал Давид, пытаясь подняться.

Вот только охотники не испугались – они закричали: «Увай, увай!» – а один, с тугими косичками, будто у девочки-первоклашки, заговорил, складывая ладони:

– Гага июу, шори! Вети кете то итира нэ? Таа-ха, пэт ворра тито ме!

– Не понимаю, – сердито ответил Виштальский.

В это время охотники загомонили, кланяясь и протягивая руки к лесу. Оттуда важно выплыл такой же тощий и длинный тип, как и они сами. Его отличали головной убор в виде мохнатого хвоста, окруженного вокруг бритой башки, и обильная роспись на груди по мотивам всё тех же спиралей и завитков.

Зверолов, разговаривавший с Давидом, живо обернулся к новому действующему лицу и воскликнул:

– Гага, Хварр!

Бритоголовый лениво ответил:

– Гага ету, Хварр ма!

В мозгу у Давы будто что-то щелкнуло, и явилось знание: «„Гага“ означает приветствие». Заработал транслятор!

– Кусу эргуени, – лопотал охотник, – ко то итира. Квонеш то итира нэ.

Бритоголовый нахмурился и спросил:

– Гитчи сэтем тито ме?

– Ко, ига ме.

– От эго ре, Фрру. Паэ ко йейо, сукури нэ!

Последняя фраза послужила командой. Охотники взбодрились и кинулись к яме. Издавая боевые кличи и ухая, они закидали нуль-звездолет глыбами камня. Тупые удары по бортовой квазиорганике болезненно отдавались в Виштальском.

Расправившись с «небесным чудовищем», охотники гордо удалились в лес. Вскоре трое из них вернулись, а тот, что был с косичками, по имени Фрру, привел за собой пару животных – некрупных четвероногих, похожих на лам, с длинными черноносыми головами. Зверюги фыркали и беспокойно переступали тонкими костистыми ногами. Гужевой транспорт. Конная тяга. «Долгоноги» – нашел подходящее слово транслятор.

Виштальского бережно подняли и погрузили на долгоногого друга – положили поперек, как мешок, и привязали к седлу.

– Тта! Тта! – закричал Фрру, погоняя, и кавалькада неспешно тронулась к горам. Виштальский, свешиваясь с крепкой спины «скакуна», печально смотрел на провал, за кромкой которого покоился нуль-звездолет. Он морщился от мускусного запаха долгонога, такого сильного, что щипало глаза, и мысленно прощался – с работой, с Землей, с Витой. Яма-ловушка удалялась, а приближалось – что? Какое преступное деяние сотворят с ним эти почтительные дикари? Торжественно мумифицируют? Угостятся человечиною на ритуальной вечеринке? Вот ведь влип.

Глава 2

КИНО ПРО ИНДЕЙЦЕВ

1

Давиду было очень неудобно: лежишь на пузе, ноги свисают по одну сторону смердящего долгонога, туловище – по другую, да так, что приходится сильно напрягать шею, дабы увидеть что-либо, кроме грязно-белой шерсти.

Лес кончился. Охотники выехали на опушку. Дальше стелился пологий травянистый склон, открывая вид на прелестную зеленую долинку, прорезанную руслами ручьев. Деревья тут росли поодиночке или купами. За ними вставали белые скалы с макушками, заросшими глянцевой зеленью. Между двумя самыми большими утесами рушился водопад. Туча из капелек играла радугами, клубясь и опадая на мокрые склоны. Грохот воды, разбивающейся о камни, едва доносился, перекрываемый пронзительным птичьим гуканьем и визгом. А вот и сама «птичка» – с дерева спланировала мохнатая тушка, с треском расправляющая перепончатые крылья. Две суставчатые лапы и тонкий хобот болтались в полете, как чужие. Не ласточка.

«Птица» напрягла хобот, вытянула его вперед и издала переливчатый визг.

«Если тут такие соловьи, – подумал Виштальский, натужно дыша, – то каковы тогда лвы?»

Словно в ответ на вопрос низкий рык разнесся по долине и сорвался в клекот. Из роицы неподалеку вышел зверь величиной со слона. Он тяжело передвигал ноги-тумбы и брякал на ходу пластинами брони – каждая величиной с тарелку. Его вместительная пасть открывалась по-акульи, вниз, а вперед выдавались два зазубренных бивня. Утробно клекоча, чудище приблизилось к могучему дереву и потерлось об него боком. Дерево затряслось.

– Сукури! Сукури! – заволновались охотники. «Так вот на какого слонопотама яму рыли!» – догадался Давид.

Слонопотам угрюмо глянул на звероловов – и побрел дальше, торя просеку в высокой траве. Из поросли негодующе вздыбилась огромная змеиная голова. Змея кинулась прочь от слонопотама и выскочила на охотников. У рептилии обнаружились трехметровое тулово, покрытое шерстью, и длинные кривые лапы, которыми она весьма шустро перебирала. Плоский чешуйчатый хвост задирался бубликом, как у лайки.

Фрру среагировал моментально. Скользнув вперед, он замахнулся и бросил копье. Острие вошло змееголову в основание шеи, тот встал на дыбки и завалился, колыхнув голым пупырчатым брюхом. Готов.

Радостно переговариваясь, ловцы выхватили тесаки и живо разделали добычу. Виштальский сильно удивился – тесаки были металлические. Ага, не такой уж тут и палеолит! Индекс технической высоты можно смело увеличивать единиц на пятнадцать—двадцать. Увлечшись вычислением ИТВ местной цивилизации, Давид едва не прозевал самое интересное – прибытие в стойбище.

Населенный пункт был окружен толстой серой стеной, немного загибающейся внутрь, с верхом зазубренным и щербатым. А вот поверхность стены была очень гладкая и ровная, подозрительно напоминая этим пластит. Да это и был пластит!

Довольно фыркая, долгоноги протоптали под арку треугольных ворот. Стражники в кожаных юбках и нагрудниках криками встречали бригаду звероловов.

– Приветствие храброму Фрру! – разобрал Давид.

– И тебе мой привет, стойкий Херр! – отвечивал охотник с косичками.

– Ты изловил Страшного-человека-с-моря? – воскликнул Херр, глядя с ужасом на Давида и меняясь в лице. Стражник даже отступил к стене, сделал пальцами «козу», обмахнул ею себя слева—направо и справа—налево.

Фрру не стал строить козюльки, а гордо заявил:

– Мы поймали Человека-с-неба! Он совсем не злой и шибко бестолковый – его колесница угодила в ловушку на сукури!

– Да ты что?! – выпучил глаза Херр и захохотал, хлопая себя по ляжке свободной рукой.

Охотники сгрузили Виштальского, распутывая тяжелую сеть, и тот задышал более вольно.

Наверное, Давид – вострепанный, красный и потный от злости – представлял из себя зрелище уморительное, но никто из туземцев, сбежавшихся поглядеть на живого Человека-с-неба, даже не улыбнулся. Все взирали на Виштальского выжидательно, со странным нетерпением. Немногие старики кутались в меховые накидки, женщины щеголяли в юбочках из пучков трав, окрашенных в разные цвета, а громко шепчущая и задавленно пищущая малышня бегала голышом. Впрочем, дети мало интересовали Давида, его вниманием завладели девушки. Те не прятали высокие тугие груди, разве что малевали вокруг сосков лепестки. А талии-то какие узенькие... Прелесть! И личики очень даже ничего...

А потом в Давиде проснулся ученый. Он оглядел стойбище и убедился, что стена замыкает его в идеальное кольцо. Хижины туземцев в форме полусфер держались на каркасах из гнутых стволов и были обтянуты шкурами. Там и сям между ними валялись слегка выпуклые плиты того же цвета, что и стена. Да какая, к бесу, стена? Он видит остатки купола! Давным-давно тут стоял гигантский купол, около полукилометра в диаметре. Очень давно, может, тысячи лет тому назад. Вот его свод и не выдержал, провалился, оставив неровную кромку по периметру. База пришельцев? Ясно, как дважды два! А вот кто конкретно посетил эту планету? У него уже есть подсказка, улыбнулся Давид. Треугольный вход! Такую форму проемов обожали Волхвы.

– Тта-а! Тта-а! – раздались протяжные возгласы возниц, и упряжки долгоногов выволокли к воротам странные повозки. Очень странные – это были черные блестящие конусы с усеченными верхушками. Они мягко катились, водруженные на колесные платформы. Возничие, выглядывающие из широких прорезей в наклонных стенках конусов, правили восьмерками долгоногов, натягивая длинные поводья.

Давид сглотнул всухую. В лучших музеях внеземных культур сохранились лишь фрагменты, жалкие ошметки танков, сработанных голубокожими хомо. Голубокожие, или блакиты, строили свои базы там, где когда-то селились Волхвы. Это даже стало признаком для астро-археологов: нашли артефакты блакитов – следовательно, неподалеку роботизованный хабитат Волхвов, или гипертерминал. Или еще что-то, тоже ценное для науки.

А эти вонючие кочевники катаются на совершенно целых и невредимых образцах техники блакитов! Тоже мне, нашли себе арбу.

Варвары заголосили и бросились с тюками к танкам, кидая поклажу через бойницы внутрь башен-конусов. Их жены, весело вереща, полезли на платформы, цепляясь за толстые, почти шаровидные, обшарпанные колеса, передавая друг другу визжащих детей и бурдюки, охапки мехов и рулоны шкур. Видать, вожди решили откочевать подальше в степь.

До полудня длилась суматоха. Погрузка барахла закончилась, однако переезд всё не начинался. Оживленные и взбудораженные, дикари сбредались отовсюду, обступая связанного Давида галдящей толпой. Младший командор стал готовиться к худшему.

Вперед шагнули Фрру и давешний шаман по имени Хварр.

– Прилет Человека-с-неба стал знамением, поданным нам Творцами! – убедительно сказал шаман. – Но вот к добру или к худу? Нам не понять. Пускай рассудят духи!

– Если демон окажется удачливей, – подхватил Фрру, – значит, дорога в степь закрыта для нас, и нам останется ждать Страшных-людей-с-моря, чтобы умереть с честью.

– Но мы будем молить Творцов даровать победу Человеку-с-неба! – заключил Хварр.

Они с Фрру расступились и пропустили вперед пятерых мужиков в длинных, до земли, юбках из пушистых хвостов. Коллегиальное руководство типа первобытной Директории?

Локти местных «архонтов» прятались в меховых нарукавниках, а на предплечья были нанизаны тяжелые браслеты. Дава, когда увидел эти «украшения», похолодел. Он их сразу узнал, «кольца типа А». Однако Волхвы здорово тут наследили!

Виштальский даже малость взбодрился: за высадку неизвестно где ему никто, конечно, спасибо не скажет, но когда на Земле узнают о масштабах зоны посещения, то даже нахмуренный лоб профессора Свантессена должен сильно разгладиться. Победителей не судят! Вариант, когда победивший награждается посмертно, рассматривать пока не будем.

Пятеро выстроились в ряд и заговорили нараспев, топая ногами и поднимая пыль, аккурратно цвиркая слюной и возводя очи горе:

– Возблагодарим Творцов за ниспосланного нам Человека-с-неба! Примите наш привет, о, духи леса и степи! Духи земли и гор! Духи моря и реки! Будьте добры к нам – и мы никогда не лишим вас почестей и жертв!

Усилием воли Дава проверил связь с универсальным транслятором, взял подсказку и брякнул:

– Развяжите меня!

Хварр, все это время семенивший вокруг пятерки и чертивший в воздухе магические фигуры, споткнулся от неожиданности, услышав из уст Человека-с-неба родную речь, и растянулся в пыли. Впрочем, никто его конфуза не заметил – толпа туземцев в едином порыве присела, закрывая лица ладонями, и хором взвыла:

– Аке ету!

Целую секунду транслятор думал над переводом и выдал: «Эквивалент выражения „Спаси и сохрани!“».

Аминь, подумал Виштальский и громко объявил, повторяя за нанопереводчиком:

– Немедленно освободите меня... и тогда... я не рассержусь на вас... и не пожалуюсь духам неба!

Вероятно, последняя фраза была излишней – вожди в унисон закачали головами, с укоризной поглядывая на богохульника, и бросили в толпу пару властных слов. Шаман, опасливо поглядывая на Давида, бормоча «аке ету... аке ету...», перерезал путы на ногах и руках почетного пленника, а потом плотно сгрудившиеся кочевники медленно расступились, освобождая дорогу, и десяток воинов вежливо потыкал двойными копьями в спину Давиду, понукая галактиста к движению в указанном направлении. Виштальский подчинился насилью и поплелся сквозь строй. Куда его ведут? На показательную казнь? Или Хварр намерен принести землянина в жертву? Или – что? И о какой победе шла речь? Младший командор силился понять чужие реалии, но лишь обалдевал от наплыва невразумительной и непонятной информации.

Кочевники галдели сзади – женщины пели, пританцовывая и воздевая руки, мужчины сосредоточенно топали в такт, а малолетние тискались между взрослых и громко вопили.

Дорога скорби, по которой вели Давида, упиралась в туземный «храм» – куб с заглаженными ребрами, с врезанными в стены плоскостями и сегментами пустотелых сфер. Давид узнал в сооружении центральный коллектор. Базы Волхвов находили более чем на десятке планет, и повсюду они были стандартной планировки. Вот и здесь то же самое – Дава миновал треугольный проем и оказался в просторном помещении, из стен которого выходило множество труб овального сечения. Они опускались и поднимались колоннами, пересекались над головой, смыкались и размыкались в хитрых сплетениях, порой свора-

чиваясь в кольцо. Местами на трубах сохранилась светящаяся кремнийорганика, и можно было видеть, что под ногами, и даже различать выражения лиц. Внутреннее покрытие стен настолько эродировало, что потеками сползало вниз, наплывами покрывая пол, опускалось с потолка бугорчатыми сталактитами. Или сталагмитами? Давид задумался – и пропустил важную часть церемонии – кочевники хором затянули торжественный гимн, то есть не в лад завопили, нещадно терзая уши Давидовы. Развернулись и утопали обратно, покидая «храм». Осталось человек десять – пятерка вождей, Хварр и полдесятка воинов. Эти-то как раз и наставили на Виштальского копья, красноречиво указуя путь следования: вперед и не оглядываться!

– Что, словами объяснить нельзя уже? – пробурчал Давид, но подчинился – побрел между овальных труб, пока не выбрался в тускло освещенный коридор. Идти пришлось долго, а эскорта у Давида оставалось все меньше. Первыми отстали вожди, потом, по одному, воины. Дальше всех проводил Давида шаман. Но и он остановился, сказав медленно и внятно:

– Дальше ступай, пока на солнце не выйдешь. И помни: победа должна быть за тобой! Иначе плохо будет всем.

Виштальский пожал плечами и потопал. Плохо, видите ли, будет. Как будто ему сейчас хорошо! Он оглянулся – коридор был пуст. Что ж, в одиночестве лучше думается. Хм. И что тут придумаешь? Ох, не надо было ему идти на посадку. Только кто ж знал, что под кормой окажется эта гадская яма-ловушка? Называется – попал.

Поток сознания рассеялся – Давид выходил «на солнце». В конце тоннеля стены были смяты и ободраны, а поперек прохода лежали груды земли. Сверху свисали мохнатые корневища, покрытые влажным ворсом. От ворса исходил пряный душный аромат, вокруг так и вились мелкие зеленые мошки, которых, видимо, привлекал запах.

Виштальский облизнул губы и оглянулся в поисках оружия, но даже камень обнаружить не удалось.

– Ну и ладно, – буркнул Давид. – Пусть мне будет хуже.

С этими словами он бесстрашно взобрался на кучу грунта, протиснулся через мокрые лохматости корней (будто прошел между мочалками) и выбрался наружу. А снаружи простиралось большое круглое поле, когда-то залитое пластилитом. С тех давних пор протекли тысячи лет – покрытие растрескалось, купол, вздувавшийся наверху, провалился, и его вогнутые осколки, каждый с кровать величиной, давно покрылись слежавшимся песком.

Круглое поле окружал высокий вал с останками того самого купола, а между ними сползали осыпи. Наверху осыпей толпились кочевники. Едва Давид покинул тоннель, как они взревели хором, то ли желая ему смерти, то ли приветствуя.

«Похоже на амфитеатр, – мрачно подумал Виштальский. – А я тогда кто? Гладиатор? Или жертва?»

Хварр, стоявший в одиночестве, поднял руки, и гомон стих. Шаман медленно прогнулся, касаясь руками земли, и вскричал:

– Приди, о, демон зла! Приди и заслужи наш дар!

«Вот только демонов мне и не хватало...» – мелькнуло у Давида.

Кочевники попрятались, залегли, лишь опасливо выглядывая из полосатой травы или из-за остатков щербатых стен.

– Аке ету... Аке ету... – несло со всех сторон.

Виштальский внимательно огляделся – на поле выходило еще несколько тоннелей, подобных тому, по которому прошел он сам. Надо полагать, подумал Давид, эти два купола соединялись еще с несколькими. Тогда это уже не база Волхвов, это настоящий город, система баз! Ничего себе.

В следующее мгновение все его мысли сдуло, как «парашютики» с одуванчика, – из черного зияния тоннеля вылезло что-то непонятное, похожее на черепаху с сегментным панцирем, тускло отблескивающим на солнце. Инопланетное чудо-юдо? Боевой кибер чужих? Рептилоиды-таоте что-то подобное клепали в последнюю межзвездную войну. Похоже...

Ковыляя и переваливаясь, «черепаха» перелезла песчаный нанос и неожиданно выросла, выпрямив десяток суставчатых ног. Закачалась, ловя равновесие, то сгибая тонкие опоры, то выпрямляя их. Теперь это больше походило на марсианский треножник – двухметровый диск на длинных коленчатых ногах. Каждое движение внеземного механизма сопровождалось скрипом и громким шелестом – это сокращались псевдомышцы.

Давид тоскливо оглянулся. Ни камня, ничего. Ага, вон, вроде «оружие пролетариата» валяется. Неожиданно в воздухе просвистело копье и воткнулось в землю неподалеку от Виштальского. Давид сразу взбодрился, подбежал и ухватился за оружие. Киберчерепахе его манипуляции не понравились – она открыла щиток на кромке диска и плюнула зеленым лучом. Песок в месте попадания вскипел, запузырился.

Оплывая страхом, Давид крепко сжал левой рукой копье, а правой нащупал увесистый булыжник. Коротко размахнувшись, он швырнул его, целясь по диску. Кибер резко пригнулся, метко посылая импульс по камню, но лишь слегка опалил его. Видать, энергия в «пороховницах» была на исходе.

– Разрядился, демон? – процедил Давид и бросился на кибера с копьем.

На втором прыжке его обожгла мысль: а вдруг кибер нарочно изображает разрядку?! Подманивает, гад! Но отступать было уже некогда – вот он, вражина кибернетическая, рядом совсем. Колоть чужепланетного робота копьем Давид не стал, вместо этого он просунул древко между тремя тонкими конечностями и заломил его, гадая, выдержит ли дерево. Дерево выдержало, а вот одна из ног с хрустом вылезла из сустава и повисла на белом канатике псевдосвязки.

«Трибуны» взвыли.

Кибер содрогнулся и резко отпрянул, тут же разворачивая энергосборники, похожие на большие полупрозрачные веера.

– Ага! – взвыл Давид воинственно и снова бросился в атаку.

«Демон» шустро заковылял прочь, уходя от драки. Виштальский припустился бежать, догнал кибера и сделал выпад, поражая копьем трясущийся энергозаборник. Наконечник пробил «веер» и выдрал пару панелек. Сыпанули искры.

В тот же момент «демон» развернулся, присел, раскрывая сразу пару щитков. Два черных зияния глянули на Виштальского, как пустые зеницы черепа. Как вороненые дула двухстволки. Ему оставалось жить доли секунды.

Неожиданно вмешался третий участник странного действа – сильно сплюснутый эллипсоид, обтекаемый, как морской камешек, гладкий и белый, с серебристым отливом. Снизу у него вытягивались тонкие гнутые ножки, а сверху шевелились «усы» с фасетчатыми набалдашниками. Глаза?

Подскакав к «демону», эллипсоид с ходу боднул боевую машину, и выпущенные импульсы ушли в небо. В следующее мгновение сплюснутый союзник отрастил длинный «ус» и чиркнул им по ногам «демона», отрезая их напрочь. Безногий диск ляпнулся на песок, зарываясь краем, подергался, шевеля обрубками, и затих.

Трибуны ревели и стонали от восторга.

– Добрый дух спас Человека-с-неба! – разобрал Давид вопль Хварра и только теперь выдохнул задержанный воздух. Овернулся к эллипсоиду, не зная, как себя вести и чего ждать от «добротного духа».

«Дух», словно пьяный, покачивался на ножках, шевеля усами, и вдруг упал в песок. Поднатужился, приподнял переднюю часть тулова и медленно опустил. Усы вяло поникли.

– Добрый дух умер! – донесся перепуганный голос Фрру. – Плохое провозвестие, ай, плохое!

Давид облизал пересохшие губы и сделал три шага вперед. Настала тишина. Полегшие усы «добротого духа» дернулись и опали.

Виштальский осторожно присел рядом с «духом», протянул руку и коснулся его. Бок эллипсоида был прохладен и слегка вминался, словно резиновый. Неожиданно спереди – на морде? – прорезалась щель, и «добрый дух» квакнул-булькнул: «Куок!»

И лишь теперь Давида осенило.

– Руум!

Впервые руумов нашли на базе Волхвов в системе Тау Кита, на планете Аврора, когда закладывали второй по счету колониальный купол. Ксенотехнологи определили, что руумы являлись для Волхвов чем-то вроде земных биороботов. Не мыслящих автоматов, а универсальных рабочих машин – грузчиков, носильщиков, охранников – и так далее. Биосистемы Волхвов были не только самообучающимися машинами, но и самовоспроизводящимися, составляя параллельный техноценоз, но лишь считанные единицы сохранились за тысячи лет, превратившись в хрупкие окаменелости. Однако этот руум совершенно цел и нов!

– «Добрый дух»! – развеселился Давид. Ух, какая тема для диссертации! «Варианты механозволюции самовоспроизводящихся биосистем». Звучит? Звучит-то звучит, но что стряслось с руумом? Надо помочь спасителю. Если бы не руум, было б ему.

– Нуте-с... – сказал Давид тоном Айболита, подхватил увесистое искусственное существо за ножные выросты и перевернул на спину. До ушей долетел шумный выдох кочевников.

Пошарив по карманам, Виштальский вытащил футлярчик с инструментами и достал скальпель. Сделал аккуратный надрез между двумя твердыми вздутиями. Псевдокожа руума лопнула и разошлась, выказывая нечто, похожее на склизкие соты. Давид бережно приподнял их, нащупывая мокрые шарики, тяжеленькие и холодные. Это были аккумуляторы руума.

– Сели, – вынес Виштальский диагноз. – А чего ж ты не подзаряжаешься? А? А-а. Накопитель не фурычит! Где ж тебя так угораздило?

Давид покопался в потрохах руума и нащупал два белесых отростка, слабо шевелящихся под его пальцами. Это был главный нервный ствол – разорванные концы искали друг друга, чтобы срастись, но мешал звездообразный предмет из белого губчатого материала – мышца руума и заодно биогенератор.

– А мы тебя во-от так... – проворковал Виштальский, подтягивая скользкие пучки псевдонервов и затягивая их морским узлом. Должно срастись!

Срасталось долго. Вдруг руум шевельнулся, медленно, очень медленно выпрямил ус.

– Что смотришь? – бодро сказал Виштальский. – Гуляй. Шарик!

Руум сказал: «Куок!» и пополз на солнце. Яркие лучи быстро привели его в норму – он выпрямил все четыре лапы, после чего отрастил еще парочку. Покрутился по полю и шмыгнул в заросли у входа в тоннель.

Виштальский поднялся и обернулся к впечатленным зрителям.

– Ну? – громко спросил он. – И что теперь?

– О, Человек-с-неба! – с чувством начал Хварр. Быстро «посоветовавшись с товарищами», он торжественно прокричал: – Племя фнатов признает Человека-с-неба своим и присуждает ему победу над демоном зла! Этим вечером Человеку-с-неба будут оказаны все почести, которые полагаются великому воину! В путь отправимся на рассвете!

– Увай! Увай! – горячо поддержали и одобрили предложение кочевые массы.

– Как обращаться к тебе, Человек-с-неба? – осведомился Хварр.

– Меня зовут Виштальский, – громко ответил галактист. – Давид Виштальский.

– Тавита Вишту! – провозгласил шаман. – Прошу тебя разделить с нами вкус мяса и тепло костра!

– Почту за честь, – церемонно отвечив Давид. Возбужденная толпа кочевников, громко обсуждая битву и представляя ее в лицах, повалила к стойбищу. Возжигатели костров мчались впереди, чтобы успеть развести огонь.

А Виштальский шел – и ни о чем не думал. Мыслей не было. Вообще. Будто кто-то продул ему мозг. В теле жила великая усталость, та, что рождается не от усилия, а от пережитого – и побежденного! – страха.

Толпа кочевников, как многоглазое и многоязыкое чудовище, дикое, но добродушное, сопровождала Давида, обступая галактиста со всех сторон, постоянно щупая его, касаясь, тыча пальцами, разглядывая в упор. Виштальский, попав в этот человеческий теловорот, чувствовал себя букашкой, затягиваемой в слив. И тут толпа расступилась, освобождая широкий проход к большому полусферическому шатру. У входа, как часовой, застыл Хварр. Он сделал приглашающий жест и ввел землянина внутрь.

– О, Тавита Вишту! – воскликнул Хварр и картинно вытянул руку, указывая на пятерых девушек, выстроившихся в ряд. – Бери любую из этих девственниц!

Тут Виштальский растерялся. Девицы были как на подбор – грудастенькие, стройненькие. Они усиленно строили Человеку-с-неба глазки, пленяя и чаруя, а тот никак не мог опомниться. Великий космос, как во сне, прямо. Такие ситуации у Давида бывали и раньше, но исключительно в эротических фантазиях. А вот чтоб наяву.

– Я... не могу выбрать... – пробормотал он. Хварр обернулся к кочевникам, столпившимся у входа, и пафосно провозгласил:

– Человек-с-неба берет всех!

Протестовать Давид не стал – все равно не перекричишь восторженный рев. А девицы обрадовались, оживились, затеяли хоровод водить вокруг Виштальского.

Хварр и пятерка вождей деликатно вытолкали любопытных из шатра, девицы-красавицы поскидывали юбочки и приблизились к Давиду вплотную, оставшись в одних ожерельях. Попав в окружение, Виштальский с удовольствием сдался – ухватил за талию ту, что прижималась к нему спереди. Девушка выгнулась, и галактист вмял лицо в теплую упругую грудь, губами отыскал сосок. Красавица застонала.

Настал вечер. В багровых сумерках засияли самые яркие звезды, крупные настолько, что смотрелись не точками, а маленькими кружочками.

Фнаты развели множество костров, плясали вокруг, выпивали и закусывали. Не забывали и виновника торжества – Виштальскому принесли огромный окорок змееголова и полный кувшин хмельного напитка, не крепкого, но игристого и шипящего в нос.

Давид сидел на огромной мохнатой шкуре, голый и довольный, и ел мясо, очень нежное и мягкое, отдаленно напоминающее плоть земного моллюска. Давид чувствовал приятное утомление. Девицы возлежали рядом, кто на спине, кто кверху попой, и мило щебетали, создавая уют. Впрочем, уже не девицы. За один безумный день Давид умудрился сесть не на ту планету, попасть в плен, стать живым божком и обзавестись пятью женами. Пятью прехорошенькими молодыми женщинами, буквально боготворящими его, удовлетворенными им и гордящимися тем, что принадлежат ему. Не о том ли мечтает всякая особь мужеска пола?.. В памяти всплыло воспоминание о Вите, но продержалось недолго – бледный отпечаток из вчерашнего дня таял в карнавалльно-ярмарочном сегодняшнем многоцветье...

2

Рано поутру в шатер к Давиду явился Хварр. Жены Тавиты Вишту устроили почетному гостю лежанку, после чего собрались стайкой, закутались в край огромной тяжелой шкуры зверя саах и шептались в уголке, изредка подхихикивая. Давид старался сидеть прямо, придавая лицу каменное и бесстрастное выражение, как и подобает мужественному воину, но губы его время от времени растягивались в улыбке умиления. Моа, Лилу, Раа, Эллу и Нэа были еще совсем девчонки, в их прелестных головках гулял ветерок, но они ощущали себя избранницами, были счастливы и очень старались заслужить одобрение Человека-с-неба-победившего-демона-зла-и-снискавшего-милость-доброго-духа.

Старый Хварр даже не смотрел в сторону чужих жен. Он задумчиво возжигал огонь в глиняной курильнице, подбрасывая сушеных водорослей соо-соо. Маслянистый дым дурманил и кружил голову, изгоняя из нее тревоги и суетные помыслы.

Лилу на четвереньках подползла к Давиду и прошептала ему на ухо правило местного этикета:

– Хозяин должен первым начать разговор!

Давид незаметно ущипнул девушку за мягкое место и сказал солидным голосом:

– Мудрый Хварр, скажи, а как твой народ называет весь этот мир?

– Который до моря? – уточнил шаман.

– Нет, весь – с морями, с землями.

– А-а. Ты хочешь знать, как называется наша планета? – спокойно спросил Хварр.

– Д-да... – выдавил Давид.

Право, его теоретические штудии ни черта не стоят в этом мире! Хварр, по идее, должен полудохлый валяться, получив футурошок, а он невозмутим, даже несколько меланхоличен. Если кто и ходит по этому миру с откинутой челюстью, пуча глаза и не находя слов для выражения, так это младший командор Виштальский.

– Все народы этой планеты, – по-прежнему спокойно ответил шаман, – называют ее Маран-им.

– К-как?! Маран-им?! Да не может быть!

– Почему? – удивился Хварр. – Так ее называли Творцы – давно, очень давно.

Кое-как справившись с изумлением, Давид ощутил прилив сил. Маран-им! Чудненько! Только бы добраться до Большого Жреца Свантессена, а там... Однако же странно – он дипломированный ксенолог и наизусть знает все небесные тела, где хоть сколько-нибудь отметились Волхвы. А здесь же настоящий музей-заповедник внеземных культур! Артефакты, следы деятельности Волхвов прямо под ногами валяются! Масса объектов, и все они целости неслыханной и сохранности невиданной! И что? Свантессен хоть слово сказал о Маран-им? Нет! И ни в одном каталоге этот мир не отмечен. Прямо в голове не укладывается.

– Расскажи мне о Творцах, – попросил Виштальский, чувствуя прилив энергии.

Хварр сделал хорошую затяжку.

– Давно это было... – задумчиво начал он. – Еще не существовало моря, а там, где сейчас берег, тек камень, жидкий, словно вода, и горячий, как огонь в горне кузнеца. Повсюду росли густые леса и стелились степи, неисчислимыми стадами бродили звери, стаями-тучами носились птицы, но не было никого, кто бы видел это, – люди тогда не жили. И вот с неба опустились на землю летучие стойбища Творцов, огромные и прекрасные, круглые и твердые, как череп зверя саах. Они опустились в степи, и дрогнула земля. И вышли Творцы, и вынесли Сосуд. Их магия была так сильна, что скоро из Сосуда вышли первомужчины и первоженщины. Они не знали горя и не ведали вражды, их дети были здоровы и

всегда радовали родителей. Тогда было хорошо всем. Творцы строили Крепости и Города, наполняя их непонятными, но красивыми вещами, люди жили долго и никогда не болели.

Творцы гордились своими детьми, но любая мать, любой отец знают – однажды ребенок станет взрослым. Люди приручили огонь и заставили жаркое пламя выдаивать металл из камня. Они ловили ветер большими кожами, и тот подгонял их лодки. И сказали люди Творцам: «Зачем вы наставляете нас и учите жить? Мы сами знаем, что плохо, а что хорошо, и как сделать, чтобы было еще лучше!»

И тогда Творцы ушли – они заперлись в своих летающих стойбищах, и те вознеслись на небо. А люди в тот же день перессорились, и копья, которыми они поражали животных, обратили друг против друга. И пролилась первая кровь, и проснулось в душах великое зло. Люди стали болеть и стареть, познали измену и смерть, познали горе и несчастье. И тогда люди впали в отчаяние и кричали небесам, моля Творцов вернуться. Но небеса молчали.

Хварр и сам смолк, припал губами к одному из мундштуков и глубоко затянулся. Жены в уголке тоже притихли.

– А духи? – хрипло спросил Давид.

– Духов много, – веско сказал Хварр. – В реках живут духи воды, самые могучие из них находятся в море. Когда они добры, то гонят в реки рыбу. Каждый год в пору листопада рыбы выходят на берег и расклеивают икринки в кустах, а самые сильные из рыб забираются на деревья. Мы тогда собираем половину икры, и нам хватает на всё время дождей. А когда духи воды гnevаются, то учиняют бурю. Громадные волны гуляют по морю, а реки выходят из берегов. Духи леса следят за охотниками, чтобы те не нарушали законов и не убивали зверя просто так.

Однажды, когда все-все-все люди изгонят из себя зло и смоют кровь со своих рук, духи передадут весть об этом Творцам – и те вернуться. И будет хорошо.

Хварр присосался к тонкому мундштуку, потом взял в рот средний, наконец, прилепился к самому толстому. Лицо шамана побледнело, глаза, утратившие осмысленность, зажмурились – душа мудрого Хварра отправилась бродить по садам удовольствий.

Давид вытерпел долгие минуты ожидания – было бы крайне нелюбезно тревожить человека в момент, когда его тело отпустило дух погулять. Наконец, Хварр медленно открыл глаза, и Виштальский продолжил допрос:

– А кто живет поблизости от земель фнатов?

– На север от нас живут шамоты. Их много, но они слабы. На юге и в степи охотятся васхи. Эти сильны, их воины бьются на долгоногах, но нас васхи не трогают, ведь фнаты живут в Крепостях Творцов. Только раз в год мы откочевываем к тоннельному городу в степи – там и зимуем...

– А кто такие Страшные-люди-с-морья?

Хварр помрачнел.

– Они – враги всем! – сказал он отрывисто. – Зовутся курредаты. Королем у них Толлоно-Хассе, он слабый правитель и плохой воин, зато Большой Жрец курредатов очень жесток и очень умен. Раньше мы делили Побережье с шамотами и иттахами, вместе охотились на морских драконов, ловили рыбу, собирали водоросли и ракушки. Больше иттахов нет, курредаты убили всех. У них есть такие палки-извергатели, твердые, как наши тесаки. Курредат поднимает извергатель – и бьет молния. Это сильная магия, никакие заклятия не помогают.

– А откуда они пришли, эти страшные?

– Они не пришли. Они приплыли из-за моря, на огромных лодках. На каждой из них целая роща мачт, высоких, как деревья, а на мачтах много-много парусов. За морем тоже есть земля, там и живут курредаты.

Шаман вздохнул.

– Скоро, скоро курредаты найдут перевал и спустятся с гор. Их извергатели убьют всех шамотов, а после доберутся и до фнатов. И уже никто с нашей кровью не дожидется возвращения Творцов.

Давид сощурился.

– Послушай, мудрый Хварр, – сказал он вкрадчиво, – у меня такое ощущение, что ты меня подводишь к чему-то главному, пока не высказанному, но то ли не решаешься об этом заговорить, то ли. Короче, давай без церемоний!

– Давай, – легко согласился шаман и отодвинул курильницу. – Фнатам не выиграть войны с курредатами. Мы доживаем последние месяцы или недели свободы. Может, и дни. Даже васхи могли бы захватить нашу деревню, но их останавливает почтение перед стенами, возведенными Творцами. В курредатах почтения нет. Раньше мы просто откочевывали подальше в степь, за реки и леса, но прошлой осенью случилась беда – нас не пускают в лес!

– Кто? – удивился Давид. – Васхи?

– Духи! Духи леса. Они позволяют охотиться, но не всем ловцам дичи суждено вернуться живыми. Они пугают наших женщин и уносят детей. – Хварр помедлил и договорил: – Когда охотники доложили мне, что в ловушку угодила летающая колесница, а Человек-с-неба пойман в сети, я сразу понял, кто поможет фнатам! Тавита Вишту, ты поборол демона зла. Упроси духов леса не вредить людям! Пусть они пропустят нас – и мы уйдем в степь, к тоннельному городу, на Малиновое озеро! Курредаты не скоро доберутся туда. Помогите, Тавита Вишту!

Жены усиленно закивали – помогите!

– Да я ж не против, – развел руками Давид. – Отчего ж не порадеть за своих?

Жены радостно залопотали и набросились всем скопом на Давида, целуя и шепча слова благодарности.

Назавтра, с самого раннего утра, Тавита Вишту отправился договариваться с лесными духами. Его сопровождала полусотня лучших воинов племени, под командованием милостивого Варру, одного из пяти вождей. С ними отправились и охотники во главе с храбрым Фрру.

Виштальский шагал впереди, вооруженный наточенным тесаком, и чувствовал себя полным идиотом. Легко было обещать наивным фнатам договориться с духами леса, а как это сделать? Зажечь костер и прыгать вокруг него с бубном? Или, может, крестом осеять кусты и деревья, гнусавыми молитвами изгоняя диавола? Галактистов учили запрягать лошадь и биться на мечах, добывать огонь трением и сооружать шалаш.

Но заключать мир с духами. Это уже перебор. Или тутошные духи такие же брошенные системы, что и давешний руум? Хорошо, коли так. А если духи – боевые киберы таоте? Вот и думай.

Экспедиция вошла под своды леса, и разговоры стихли. Люди напряглись. И воины, и охотники с одинаковой настороженностью шарили глазами вокруг. Они чувствовали исходящую от леса опасность, а вот Давид ничего не замечал. Лес как лес. Но страх заразителен, и постепенно настроение фнатов передалось землянину. А потом он и сам заметил нечто странное. Кто-то пробежал за кустами с глухим топотком. Зверь? Но вот топоток перенесся в прогал, и яркий блеск ударил по глазам. Не-ет, тварей с зеркальными боками не бывает. Яростный писк донесся из-за деревьев и тут же сместился в низкий гул. Грянул медный звон. В тени между деревьями зловеще замерцали разноцветные вспышки. Храбрые и стойкие фнаты остановились и попадали на колени, дрожащие голоса забормотали скороговоркой древние заклятия, отражающие зло.

– Спокойствие, – сказал Виштальский мужественным голосом, – только спокойствие! Оставайтесь здесь, я сам разберусь.

Общий вздох облегчения был подобен порыву ветра.

Давид, заинтригованный и заинтересованный, пошел вперед, держа тесак в опущенной руке. Что-то здесь не то.

Выйдя на солнечную полянку, похожую на дно стакана, образованного стволами деревьев, Виштальский оглянулся. Коленопреклоненные фнаты не двигались, во все глаза следя за Человеком-с-неба. Поляна хорошо просматривается, подкрасться к экспедиции непросто. Но всё равно, надо бы фнатов подуспокоить.

– Все под контролем, – проговорил Давид внушительно, – разводите костер, надо подкрепиться!

Пока Давид бродил по окрестностям, фнаты запалили костер, нажарили мяса змееголова, вскипятили котелок воды из ближнего ручья и запарили в нем высушенные засахарившиеся ягоды. Получилось что-то вроде компота.

Давид как следует закусил – и разнежился, задремал даже. Поэтому, когда раздалось требовательное «Куок!», он вздрогнул и открыл глаза. Рядом стоял руум. Он покачивался на девяти тонких ножках и поводил тремя усами.

– Привет! – ляпнул Давид.

– Куок! – повторил руум, игриво скакнув в сторону леса.

Знаком успокоив побледневших фнатов, Виштальский поднялся и поплелся следом за резвым Шариком.

Выйдя к деревьям, Давид замер и в затруднении почесал в затылке.

– Да-а...

Весь лес был полон биосистем. Приползли три или четыре руума, целая связка буллов, похожих на пушечные ядра, простроченные дырочками. Буллы, имевшие гравипривод, катились по земле, как мячи, изредка подсигивая над травой. В сторонке ворочались «миски», придавившие полусферами панцирей пучки тонких щупалец. За ними ковыляли «грибы», колыхая шляпками-энергозаборниками, висели над травой радужные диски, едва приминая пушистые соцветия.

Шарик бойко выскочил вперед, куокая, забегал вокруг Давида. Виштальский уныло осмотрел редкие заросли, почесал нос и громко, увесисто сказал:

– Учтите – запчастей нету! И начался прием пациентов.

С дырчатыми шарами все обстояло просто: стоило настроить псевдоживые подобию земных гравираспределителей в нижних «полушариях» – и буллы «выздоровели».

Дава чинил-лечил биосистемы Волхвов и нарадоваться не мог, что Иван Лобов в свое время настоял на том, дабы курсант Виштальский как следует разобрался в ксенотехнологии. Курсант Виштальский, правда, отбрыкивался изрядно, доказывая, что он-де гуманный, и оправдывая отсутствие интереса к технике чужих шатким и слабым аргументом: дескать, подобное знание будет лишним и никогда не пригодится. Ведь в инопланетное общество посылают людей не для того, чтобы ремонтировать тамошние машины, а для того, чтобы «вести ремонт» самого общества, лечить его и перестраивать. Но Иван был непреклонен.

– И правильно, – приговаривал Давид, вычищая пыль с губчатой поверхности метапласта, укрытого панцирем «миски» – как показал опыт, укрытого негерметично. – Иван – молодец. И я молодец. Фрру! Тащи сюда котел с водой! С теплой. Да не бойся! Эти духи больны, и я их лечу. Когда они все выздоровеют, вы с ними быстро подружитесь. Следующий!

Припахал Виштальский и милостивого Варру – суровый воин боязливо приволок натеков смолы с деревьев.

Кабинетные спецы из Института Внеземных Культур дружно грохнулись бы в обморок, увидев этот ремонт-лечение в полевых условиях. А что делать? Говорить бесхозным биосистемам: «Зайдите попозже, когда запчасти подвезут и приборы подкинут»? Так, во-первых, они не поймут, а во-вторых, это было бы просто жестоко по отношению к бедным машинкам-калекам.

Треснувшие псевдоживые сростки кристаллов и нервной ткани Давид заращивал разогретой смолой. Лопнувшие саморефлекторные соузлиа заменял палочками, выструганными из дерева. Промывал «грибам» потроха, отпаривал радужным диском иссохшие Л-перепонки, приделывал колышки-протезы к откушенным щупальцам.

К вечеру все пациенты были обслужены – и уковыляли в лес. А экспедиция в полном составе вернулась домой.

Охотники и воины так громко горланили песни, что всем фнатам стало понятно: вернулись с победой!

Вожди на радостях решили устроить праздник, но мудрый Хварр уговорил их быть попрактичней. И племя фнатов стало готовиться к исходу.

По всему стойбищу забегали женщины, собирая последние пожитки. Мужчины споросворачивали шкуры, покрывавшие хижины, и нагружали танки-башни.

Первая партия переселенцев выступила в середине дня, ближе к вечеру. Повозка за повозкой, нещадно пыля, скрывалась за треугольными воротами.

А суэта сборов не унималась – крики взрослых, визги детей, фыркание долгоногов, пронзительный скрип огромных, в рост человека, колес.

Стемнело. По всему стойбищу разгорелись костры, благо, дров было запасено изрядно. В красных и оранжевых отсветах шатались тени, из темноты доносились гортанные голоса:

- Хырр! Догружай быстрее!
- Не спеши, еще луны не взошли.
- Верно, куда по темноте ехать?
- Леа, отстань!
- Забери, сказала, шкуры!
- Да они дырявые, все пушами проедены!
- Ничего, ничего! Послужат еще!
- Вот пристала...

Вишталский загрузил полтанка дареного добра, жены устроились сверху, на сложенных мехах. Он запряг шестерых долгоногов цугом и уже собрался было полезать в конус-башню, как вдруг темноту прорезала ослепительная вспышка, и тут же прокатился грохочущий треск. Крики раненых показались негромкими оглушенному Давиду.

Еще пара взрывов подняла на воздух каркас хижины и опрокинула танк. В свете костров пролетела туша убитого долгонога, вспухло облако пара, прокатился раскат грома. Так это дезинтегратор стреляет! Шпарит мегавольтными рядами!

- Курредаты идут! – заорал Давид. – Воины, ко мне! Прикрываем отступление!

Жены запричитали в голос, но Вишталский был непреклонен.

– Элли пусть правит долгоногами, – приказал он, – потом смените ее! Уезжайте! Быстрее!

- А ты? – закричала Нэа.

- Мы вас догоним!

Элли щелкнула бичом, и танк, грузно качаясь, скрылся в треугольных воротах.

- Мы здесь, Тавита! – крикнул Варру, появляясь из темноты.

- Много ли курредатов? – спросил Давид.

- Пять раз по две руки, но все с извергателями молний!

– Ясно. В атаку не лезть, обстреливайте с флангов! Надо дать время женщинам, чтобы они ушли подальше.

Воины растворились в ночи, а Давид, сжимая тесак, бросился в ту сторону, где крики ярости и боли слышались громче всего.

Яркий свет костров и горящих поленниц заливал все место прорыва. Курредаты в конусовидных шлемах лезли через стену, размахивая кривыми мечами, ярясь, топорща усики и бородавки. «Конкистадоры вшивые!» – разозлился Давид.

В эту минуту Проблема Бескровного Воздействия, которую с таким тщанием разрабатывали светила Мировой Академии Наук, показалась ему надуманной. Нельзя, значит, умерщвлять захватчиков и палачей? А кто же тогда ответит за пролитую кровь, за смерти невинных?! А как быть вдовам и сиротам – утешаться тем, что убийцы не пострадали?

Появились новые курредаты, они встали в ряд, торопливо воткнули в землю костыли с развилками и утвердили на них тяжелые керамические агрегаты с толстыми, ребристыми стволами. Даже в отблесках пожара Виштальский распознал фузионные излучатели типа «Перун». Откуда они у конкистадоров? Грабанули залетевший корабль?

– Ложись! – крикнул Давид, падая в траву.

Грохнул залп. Фнат с копьем, бежавший рядом с Виштальским, замешкался или не понял приказа Человека-с-неба, и цвиркнувшая струйка плазмы разворотила ему грудь.

Яростно рыча, Давид подхватил копье и метнул его во врага. И попал. Но не сразил – копье лишь сбilo курредата с ног, оставив вмятину на стальной кирасе.

Тут же перед Давидом возникли сразу трое «Страшных-людей-с-моря», агрессивно помахивающих мечами. Они бросились к Виштальскому с явно недружественными намерениями, как вдруг между землянином и курредатами возникло что-то округлое и плоское. Это был давешний руум.

Биосистема вырастила толстый ус длиной метра в полтора, он уплощился в подобие клинка и описал дугу, бесшумно разрубая кривые мечи курредатов. Конкистадоры тупо глянули на чистые срезы, и лица их исказились страхом. Видать, представили в красках, как руум сбивает им головы.

– Спасибо, Шарик! – выдохнул Виштальский.

Но тут набежало сразу человек двадцать, грянул залп – и руума разрезало пополам лучом лазера. Передняя половинка медленно закружилась в грязи, загребая уцелевшим ножным выростом и выговаривая голосовой щелью:

– К-куо-о.

Давида резануло жалостью, а троица с обрубками мечей осмелела.

– Связать! – крикнул самый толстый из них, указывая на Виштальского. – Это ихний колдун!

Язык курредатов здорово походил на фнатское наречие, примерно как русский язык смахивает на «украиньску мову». Из него ушли напевность и мягкость, сменившись четкостью твердого произношения, а звонкие «энг», «донг», «ганг» будто склепывали речь. Но о лингвистике Виштальский задумался позже, а сейчас было не до размышлений, пришла пора действовать. Подпрыгнув, Давид с глубоким удовлетворением нанес удар ногой в обволошенную, испитую харю ближнего к нему конкистадора. Не повезло конкистадору – взмахнув руками, он упал на спину и загремел кирасой. На Давида кинулись сразу двое, отбросивших ломаные мечи и выхвативших из-за пояса длинные кривые кинжалы. Увернувшись от одного молодчика, длинного как жердь, Виштальский перехватил руку другого, усатенького, и, заломив ее, овладел холодным оружием. Пропорол ногу длинному, всадил кинжал усатенькому, попав между завязок кирасы. Усатенький истошно заорал, озвучивая попадание. Виштальский дернул нож к себе, но лезвие застряло в задубевшей коже завязок, а потом по рукояти потекла горячая, липкая, противная кровь, и Давид гадливо выпустил орудие

убийства. Зря. Сразу пятеро или шестеро свирепых вонючих мужиков набросились на него и повалили, осыпая ударами, сдобренными витиеватыми проклятиями.

Из темноты, подсвеченной пожаром, явилось еще одно действующее лицо, которое «Страшные-люди-с-моря» называли «малым жрецом» или «вашим благодеянием». Его благодеяние щеголял в ужасном лиловом балахоне, похожем на рясу, и семенил, смешно придерживая вздувавшийся подол.

– Вяжите колдуна! – проверещал он властно. Конкистадоры опасливо стянули Давиду запястья прочной веревкой, сторонясь останков руума.

– Грузим добычу и уходим, – проворчал толстяк. – Поделим, когда выйдем в море.

Вишталский с тоской оглядел захваченную врагом крепость. С виду ничего не изменилось, те же неясные фигуры суетились, то попадая в свет костра, то пропадая из него, вот только фнаты среди тех фигур отбрасывали самые короткие тени – у мертвецов, лежащих вповалку, не бывает длинных.

Глава 3 ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО

1

Курредаты славно порезвились в стойбище фнатов – хапнули все, что плохо лежало. Шкуры, меха, даже дрова – видать, ароматная древесина высоко ценилась за морем. Но наибольший ажиотаж вызывали артефакты Творцов. Малый жрец гнусаво отговорил молитву над «кольцами типа А», крученными спиралками, загогулистыми веддингами, ломаными пластами и велел собрать все предметы материальной культуры Волхвов в большие кожаные мешки.

Конкистадоры, обмахиваясь «рогами дьявола», боязливо сгребли «ведьминские штучки-дрючки» и упаковали. Его благодаяние, поминутно вытирая платком бледное острое лицо с облупленным носом, перешел к останкам руума.

Высоковольтные разряды почти разорвали искусственное существо пополам. Малый жрец легонько пнул большую половину руума и приказал дребезжащим голосом:

– Эту – уничтожить! Ту, что поменьше, оставить. Конкистадоры послушно порубали мечами большую половину эллипсоида – в воздухе запахло чем-то едким. А меньшую завернули в шкуру, приобщив к вещественным доказательствам, уличавшим Давида в колдовстве и зловредном чародействе.

– Снимай это! – прокаркал малый жрец, цепляясь за рукав походного комбинезона Давида. – Немедленно!

Арбалетчики с «носителями молний» красноречиво вскинули свои орудия, и толстый курредат развязал Давиду руки. Каменея лицом, Виштальский стащил с себя комбез.

– И это! – каркнул жрец, указывая на серебристые трусы.

Давид со злостью содрал труселя и швырнул в особу духовного звания. Особа ловко увернулась.

Выгребая из карманов комбеза радифон, футляр с инструментами, стило, малый жрец зловеще скалился и шипел:

– Погибель нам готовил? Смерти нашей жаждал? Я т-те покажу погибель! Я т-те дам смерть, колдун проклятый!

Важно переваливаясь, подошел толстый курредат.

– И куда этого, ваше благодаяние? – осведомился он, тыча пальцем в Давида.

– Мы отобрали у него приспособления для волшебства, – надулся малый жрец, – но эта нежить очень, очень опасна! Колдуна надо доставить в Хассе и передать в руки инквизиции! Готов ли к отплытию твой корабль, Буссе?

– Да, ваше благодаяние.

– Тебе я поручаю этого врага молящихся и трудящихся!

– Слушаюсь, ваше благодаяние.

Голого и избитого Виштальского забросили в фургон. Там, пытаясь устроиться на рулоне мягких кож, Давид испытал все прелести позорного плена. Больше боли было унижение. Унижение поднимало в душе мутную волну ненависти. Виштальский облизывал припухшую разбитую губу и впервые в жизни мечтал причинить смерть человеку. Вот этому жирному Буссе, убившему стойкого Карра и милостивого Бурру! самого бы его. Мечом. В трясушееся брюхо.

Давид мог исхитриться и сбежать, но в нем жила надежда свидеться с профессором Свантессеном, тутошним Большим Жрецом. Конкистадоры собирались погрузить его, Давида Виштальского, вместе с остальной добычей, на корабль и доставить в Хассе? На прием к инквизиторам? Вот и отлично! Им по пути. Ах, только бы увидеть Свантессена, и весь этот кошмар закончится! Профессор, он же Большой Жрец, прикажет его освободить. А как же! Только надо будет попросить профа, чтобы он оставил его здесь, при себе, на Маран-им. А что? Какая разница, где быть наблюдателем – здесь или на Тьет? Неизвестно еще, на какой планете он принесет больше пользы! Правда, Хварр много гадостей говорил о Большом Жреце – это он-де организовал конкисту, это по его приказу вершится беспредел по всему Побережью. Наверное, он ошибается. И вообще, что может знать какой-то там шаман? Да если даже допустить, что конкиста действительно инициирована Большим Жрецом, значит, данное макроскопическое воздействие было тщательно продумано, обчислено, выверено в институтах и одобрено Советом Мира. А как же иначе? И послужит сие воздействие развитию производительных сил, способствуя росту морали и духовности в массах.

Когда над горами всплыли обе луны, караван с награбленным тронулся в путь.

Пустых фургонов хватало – «Страшные-люди-с-моря» не рассчитывали, что фнаты покинут стойбище и унесут все добро с собой. Поэтому пленниц и пленников не погнали, а повезли. Сами курредаты ехали верхом на таких же долгоногах, что ходили в упряжках фнатов, только куда более рослых и мощных. Настоящие кони!

Караван медленно, очень медленно одолел дорогу в гору. С высоты перевала открывался потрясающий вид на ночные горы, залитые светом двух лун. Сияние было до того ярким, что предметы отбрасывали по две тени, а когда фургоны проезжали мимо водопада, в ночи заиграла лунная радуга. Несколько горных вершин были гладко срезаны, и на колоссальных срезах, отсвечивающих, как тихие озера, высились непонятные сооружения – громадные маяты, словно сотканые из балок, связанные меж собой мостами-переходами. Что к чему?

Спуск к берегу моря оказался куда короче подъема – фургоны грохотали, описывая все петли извилистого пути, а стоило рассвету окрасить небо в розовые тона, как внизу и впереди распахнулась неоглядность моря, словно выложенная золотыми чешуйками, – заря постаралась, размалевала волны по-своему.

Берег был узок и вилял двуцветной ленточкой вдоль горных склонов – зеленой полоской леса и золотой тесьмой песков. Кое-где пляжи выдвигались в море, громоздя гребнистые дюны или охватывая тонкими косами тихие голубые лагуны.

Курредаты сразу оживились, завидев морской простор – тут им нечего было опасаться. Деревья в прибрежных рощах росли редко, смыкая густые плоские кроны, – нет ничего лучше, чем в жаркий день валяться в их зеленоватой тени! – но засады тут не устроишь, это ясно.

Город показался после полудня. Курредаты выстроили его на островке, отделенном от берега узкой протокой. Стоял отлив, и вода из протоки ушла, более не скрывая блестящий черный ил. Какие-то неприятные твари – что-то вроде бугристых шаров с тонкими гибкими щупальцами – копошились в жидкой грязи, отскакивая, когда рядом вздувались и лопались громадные пузыри, наполняющие воздух зловонием. Похожи на псевдоспрутов, мелькнуло у Давида.

Фургоны прогремели колесами по горбатому мосту и оказались не то в колониальном форте, не то в порту. Улиц тут никто не прокладывал, застройка была такой же хаотичной, как и в стойбище фнатов. Составить впечатление о курредатской архитектуре Давиду тоже не удалось. На островке имелся лишь десяток капитальных строений – приземистые пакагузы под плоскими крышами. Все остальное – временки. Шатры, мазанки, навесы, шалаши, землянки.

По городу шатались сотни курредатов в длинных мятых рубашах и широких юбках. Головы они прикрывали соломенными шляпами вроде сомбреро или заматывали их платками. Самая приличная обувь была у военного сословия – высокие мягкие сапоги на каблуках, подобные ковбойским. Остальные носили веревочные туфли, а то и вовсе гуляли босиком.

Караван встречные-поперечные провожали радостными криками, и возницам приходилось немало помахать кнутами, дабы отогнать любителей мелкой поживы, – стегали так, что рубашки лопались. Но все равно, кое-что с возов пропало.

Буссе заорал сердито и выхватил меч. Это подействовало – вороватые личности живо очистили улицу. А караван вывернул к пристани, у причалов которой толкалась масса поплавковых лодчонок и возвышался высокий борт огромного корабля-катамарана, каждый из корпусов которого нес по три мачты, а седьмая – общая – торчала посередине, на корме обширной палубы.

Погрузку начали с того, что всех пленниц поместили в загон на причале, а пленников заставили таскать тюки с добычей.

Не дожидаясь окриков или ударов плети, Давид сам подхватил ворох мехов и поволок его на корабль. Буссе ухмыльнулся, завидя такое старание, и похвалил Виштальского широким оскалом, должным изображать улыбку одобрения. Буссе был у конкистадоров за командира, и его титулу нашлось соответствие в земной табели о рангах – толстяк числился комитом, то бишь графом, и обращаться к нему следовало не абы как – комит был «вашим великославием». Правила этикета позволяли называть высокородных дворян и по-иному – «кхенти», что было эквивалентно земному «сир».

Передав ценный груз матросу в одних штанах, но с подобием чалмы на голове, Давид бросил играть в грузчика и устроился на носу, у подножия левой передней мачты. Она была толщиной в два обхвата, и за нею было легко спрятаться, а пухлая связка размочаленного троса заменила Виштальскому мягкое сиденье.

Он особо не стеснялся своей наготы – привык с детства купаться голым, но даже на Земле никому в голову не приходило отправляться «без ничего» на занятия или на работу. Давиду было некомфортно.

Фнат с распухшим, перебитым носом подтащил останки руума. Покосился на галактиста, но ничего не сказал.

– Шевелись, шевелись давай! – прикрикнул на него Буссе, развернулся и пнул фната.

Молодой кочевник не выдержал – бросился на конкистадора, но тут подбежали двое арбалетчиков. Фнат прынул в сторону, разбежался по палубе и ласточкой сиганул в мутную воду бухты. Комит лишь мрачно улыбнулся – и Давид догадался, почему пленные не совершали попыток к бегству.

Беглец вынырнул и поплыл к берегу, но ушел недалеко. Из воды всплыла голова морского гада, подобного тем, что рылись в протоке, но куда более крупного. Блестя буграми, шевеля бельмами множества глаз, чудище выпростало из-под воды извивающиеся щупальца. Пловец закричал, но гад не обратил на вопли ни малейшего внимания – он окрутил щупальцами человеческое тело и сжал, ломая кости. Тут же вынырнула парочка опоздавших к обеду. Десятки щупалец сцепились, переплелись, вспенили воду. Вот сразу два псевдоспрута ухватились за труп несчастного – и разорвали пополам. Третьему досталась голова.

– Купание отменяется, – пробормотал Виштальский, – вода холодная.

– А ты чего расселся, голозадый? – грянул грубый голос комита. – Встать! Паруса я буду тягать?

Давид состроил гримасу типа «я тебя не понимай», и Буссе выругался, поминая нечисть вперемежку с ближайшими родственниками Виштальского. Ухватив «пр-проклятого колдуна» за руку, Буссе потащил его за собой. Давид не сопротивлялся.

Подведя пленника к левой средней мачте, комит сунул ему в руки канат и показал: тяни! Виштальский послушно потянул.

– Во! – подбодрил его Буссе. – Еще! Навались! Биссе! Рулле! Силла!

Подбежали трое мореходов в одних штанах, босых, голопузых, однако с роскошными шляпами на головах, и тоже вцепились в трос.

Дава поднял голову. Трос был чем-то вроде шкота, он разворачивал нижний рей паруса.

Загомонили по всему кораблю – воины погнали пленников на берег, за ограду загона, оставив на борту одного «колдуна голозадного», а палубная команда усердно тягала паруса, отдавала швартовы, ходила по кругу, вращая кабестан, наматывающий на себя якорный канат. Мореплаватели орали вразнобой:

– Потяни, Ути-Ло! Сильнее! Что ты, как недокормленный?

– Ставим вправо! Леваки переносим на счет «три»! Раз, два. Три!

– Вытягивай, вытягивай! Якоря крепить!

– Руль переключай! Не спи! Во!

– Праваки – по ходу! Рулевым держать прямо!

Огромный катамаран медленно отвалил от пирса. Ветер с гор подгонял его, и корабль скоро покинул бухту, облепленную неказистыми и невзрачными строениями. Толпа провожающих рассосалась – яркая искорка на миг осветила, расцветила серые будни городка – и погасла.

А катамаран вышел в море и поднял все паруса. Узкие корпуса, связанные одной палубой, с шумом и плеском разрезали волны острыми форштевнями.

– Держи к северу, – послышался голос Буссе, – за Колючей скалой повернешь на восход!

– Сделаем! – осклабился рулевой в шляпе с перьями.

Пошлявшись по катамарану, Давид разузнал, что корабль зовется «Сын грома», а комит Буссе – его владелец и капитан. Биссе, Ути-Ло, Силла и Рулле были как бы лейтенантами, подчиненными капитана. Биссе отвечал за корму левого корпуса, Ути-Ло – за нос правого, и так далее.

Часа через два хорошего хода справа по борту показалась Колючая скала. Давид слегка ошалел, когда ее увидел. Из моря метров на тридцать поднимался правильный конус голубого цвета, а из его верхушки высовывались три «ежа», похожие на звезды со многими граничными лучами, торчащими во все стороны. На кораблях Волхвов такие «ежи» выполняли функцию особых локаторов, «высматривавших» материальные тела из нуль-пространства.

Виштальский только головой покачал. Недели не прошло, а он и базу Волхвов повидал, и те исполинские плетенки в горах, и корабль. Великие небеса, черные и голубые! Он мечтал кандидатскую накропать! Да здесь материалу хватит на миллион докторских, на тысячу нобелевских! Но почему никто на Земле ничего не знает о здешних чудесах?! Или знает, но молчит? С ума сойти.

– На счастье! – гаркнул Буссе и швырнул камень в «скалу».

Голубая зернистая поверхность отозвалась на удар глухим звоном, коротким и тусклым. Так звенит броня из биокерамики.

– Приготовиться к повороту! Поворот! Команды дружно развернули реи, паруса наполнились ветром, и катамаран взял курс на восход. Домой.

Давид сделал глубокий вдох, приказав себе не киснуть. Пора заняться делом. Для начала неплохо бы сыскать одежду.

Стащив обрывок подопревшей парусины, Виштальский обмотал чресла по местной моде – получилась мини-юбка. Остаток ткани – на голову на манер банданы – видать, у местных табу на непокрытую шевелюру. Взбодрившись, он вернулся к «своей» мачте и поглядел на останки руума. Настроение сразу испортилось. Располовинили ни за что ни про что. А скоро и его самого – того. Спят на костре. Или распнут. По какой они тут методе казнят колдунов?

Неожиданно Давиду почудилось, что шкура, покрывающая половинку Шарика, зашевелилась. Он затаил дыхание. Глюк, что ли? Да нет же, она и впрямь шевелится!

– Ах так? Тут и грызуны водятся? Как их... пуши? Глянем на местного крысоида... – сипло сказал Виштальский.

– Куок... – донеслось до него.

Из-под шкуры выполз руум – такой же обтекаемый, гладкий, серебристый, приплюснутый, только уменьшенный. Раньше «дух» был размером с бычка, а теперь – с собаку ростом. Зато кличка подходит больше!

– Шарик!

– Куок!

Счастливо улыбаясь, Виштальский протянул руку и нежно погладил мини-руума по гладкой спине.

– Офигеть... Смотри, никому не показывайся, хорошо? Только мне.

– Куок, – согласился Шарик.

Незаметно наступил вечер. Солнце, опускаясь за горизонт, окрасило небо в пышный багрянец и добавило спецэффект – у облаков появился ртутный блеск. А потом целый сноп «зеленых лучей» ударил по касательной, пригашивая первые звезды.

Но что Виштальскому красоты небес? Он был голоден, и никто не озаботился его пропитанием. Повертевшись, Дава отправился на поиски съестного.

Матросы собирались кучками вокруг круглых площадок, выложенных камнем, посреди которых горели костры и покачивались подвешенные на цепях закопченные котлы с хлебовом. Пахло так, что желудок Виштальского устал бурчать и скрутился, как та мокрая футболка, которую выворачивают, чтобы отжать воду. Ну хоть напиться дали – указали молча на бочку с водой, в которой плавали неведомые фрукты и листья, и Давид нахлебался вдоволь. И аппетит разбушевался...

От костра, разведенного на носу левого корпуса, Даву погнали, а на правом носу сунули лепешку и жареную рыбу. Виштальский схомачил свою пайку в момент.

Рыба была больше всего похожа на змею, а лепешка по вкусу напоминала гречневый блин.

– Питательно, – решил Давид, – но мало!

– Куок! – подтвердил руум.

Перейдя на левый нос, Виштальский подобрался к костру со стороны мачты. Сам не желая того, он оказался невидимым для сидящих у костра – его заслонил парус. Нагнувшись, чтобы пролезть под реем, Виштальский замер, расслышав негромкий хрипловатый голос Ути-Ло:

– ...Большой Жрец только так говорит, что пиратов надо вешать, на самом-то деле он их благословляет – ему не по нраву, что наши комиты и дука Мурр-Ло слишком много силы набрали.

– Это всё потому, – раздалось из темноты, – что ему колдуны не любы?

– А то... И нам же не придется геройствовать. Вот он, корабль! Мы на нем сидим! В его трюмах уже полно добычи. Надо только так сделать, чтобы вся она стала нашей. Вся! Силла полусотню выставит, и мы с ними заберем «Сына грома» себе... Ты, Филле, и ты, Нути, откроете сундуки с оружием. А ты, Марру, возьмешь своих и уберешь комита.

Отблеск костра выхватил из темноты лицо Марру – типичного жителя Побережья, фната или последнего из иттахов. Марру с достоинством кивнул и вытащил ритуальный нож, загнутый, как бумеранг.

– Если никто из нас не струсит, – заключил хриплый голос, – то завтра мы будем хозяевами корабля!

Мускулистая рука вытянула меч. Лезвие тихо лязгнуло, уложенное поверх ритуального ножа. Еще пара тонких кинжалов звякнули сверху.

– Начнем перед рассветом, – глухо сказал Ути-Ло. – Повара разожгут утренние костры, мои люди подбросят в огонь травы нух, а когда дым окрасится в желтый – выступаем!

Вдруг рей заскрипел. Марру одним гибким движением нырнул под него и выпрямился рядом с Давидом, прикладывая свой нож-угольник к шее галактиста.

– Подслушивал, колдун?! – прошипел туземец. Кряхтя, из-под рея вылез Ути-Ло.

– Я не говорю по-вашему, – сказал Виштальский по-русски.

– Чиво-чиво?!

– Подожди, – притормозил Ути-Ло кровожадного Марру, – сейчас мы его проверим. – и он начал поносить Творцов на всех наречиях Побережья.

Давид продолжал старательно моргать, изображая недоумение, а затем заговорил на русском:

– Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.

Ути-Ло покачал тяжелым двойным кинжалом и ухмыльнулся.

– Отпусти этого убогого, Марру, – сказал он презрительно, – он не годится даже на корм осьмирукам!

Туземец с сожалением отнял нож от Давидова горла и оттолкнул Виштальского: – Брысь!

Виштальский, под сильным впечатлением от услышанного, отошел, нарочно загребая ногами и производя много шума. Ему надо было подумать. Сперва Дава хотел устроиться у борта, но вовремя вспомнил о псевдоспрутах, именуемых осьмируками, – мореходы у костров много чего рассказывали о них. Например, как эти головоногие страшилища любят хватать зевак, созерцающих ночное море. На кораблях курредатов бытовало даже такое наказание для струсившего в бою – малодушных связывали и оставляли на ночь у самого борта. Как правило, утром их недосчитывались.

Псевдоспруты были любопытны и настырны, как местные зеленые мушки – достойная замена земным комарикам, и курредатские мореплаватели изобретали разные защитные устройства. На «Сыне грома» крепили чуть выше ватерлинии откидные решетчатые щиты с острыми колышками по краю. В порту щиты подтягивали к бортам веревками, а выйдя в море, опускали горизонтально, на манер крыльев старинного аэроплана. Голодным осьмирукам оставалось только облизываться – снизу не пролезть, решетка мешает, и до бортов не дотянуться – колышки ранят. Система простая, только вот веревки подгнивали от сырости и роняли щиты в воду. Или решетки волной смывало в хорошую бурю. И псевдоспруты мигом находили брешь.

Виштальский прошел на левый нос, сложил руки, как Наполеон при Ватерлоо, и стал думать думу.

На корабле созрел бунт, матросики вознамерились переквалифицироваться в пиратиков. Вопрос: на чьей стороне полезно оказаться? Явно, не на стороне разбойников, пусть даже морских. Жить надо по законам, а не по понятиям. Значит, поддержим Буссе? Или останемся нейтральными? Не получится. Сохранение нейтралитета в данном случае равносильно соучастию. Да и что он выгадает? Если судно заберут себе пираты, то Давид Виштальский для них не товарищ, а часть добычи. Переходящий приз. А вот если он откроет

тайные планы Буссе. Вряд ли комит облобызает его на радостях, но, может, хоть волей отдавится?

Давид посмотрел на волны. Простор Внутреннего моря пылал и переливался всеми цветами радуги. Валы, катящиеся со стороны восхода, светились красным и синим, их гребни играли изумрудными сполохами, а буруны, расходящиеся от носов катамарана, сверкали разнообразными оттенками янтаря. В разливах жидкого света черными кляксами корячились туши осьмируков, фиолетовыми зигзагами змеились рыбы-удава. Вода в море была явственно теплая, но купаться как-то не тянуло.

– Пошли, Шарик, – сказал Давид отрывисто, – проводишь.

– Куок, – донеслось из тьмы.

Просто так не пройдешь. Виштальский внимательно оглядел корабль. Каюта капитана скрывалась в кормовой надстройке, незаметно туда не попасть – костры горят ярко, да и хмурые личности прогуливаются по палубе от борта к борту. Идти на прорыв? Глупо. И опасно, и все дело можно провалить. Попробовать через трюм? Еще глупее. Остается одно.

Давид подошел к борту и выглянул наружу. Вода лучилась, как апельсиновый сок на свету, и было хорошо видно. На Земле тоже полно светящегося планктона, но чтоб так ярко! Зачерпнешь в вазу – и будет тебе ночник.

Вдоль всего корпуса, метрах в полтора ниже палубы, тянулся брус-отбойник, виток к витку обмотанный канатом. От него в море протягивались щиты, подвешенные на веревках. По отбойнику можно пройти от носа до кормы, и никто даже не взглянет – кому охота стать закуской вечно голодному псевдоспруту?

Вот именно.

– Охраняй, – буркнул Дава, осторожно перелезая за борт.

Держась за планшир, Виштальский дотянулся пальцами ног до отбойного бруса, укрепился и двинулся вперед. В голове вертелась дурацкая фраза: «Кушать подано!»

Руум перелез-переполз на сторону Давида – и спустился на защитную решетку, ожидая дальнейших указаний.

– За мной!

Виштальский двинулся боком вперед, перехватываясь за планшир, осторожно переступая ногами. Руум последовал за ним. Через пару десятков шажков свечение моря выдало слабое звено – отсутствовали два щита подряд, и блики на борту не застила решетка.

Страшно было до оцепенения. Спина у Виштальского одеревенела, волосы на загривке встали дыбом. Вот-вот влажная, слизкая присоска ка-ак вцепится под лопатку.

Неожиданно Давид различил новый звук, добавившийся к журчанию воды, растолканной корпусами катамарана, – бурление и сиплое харканье. В доски перед лицом Виштальского уперлось тонкое щупальце с присоской на конце. Давид даже испугаться толком не успел – руум мигом вырастил свой «длинный нож» и оттяпал извилистую конечность. Вода за спиной Виштальского вскипела, осьмирук захрюкал, а присоска так и осталась висеть на облупленном борту.

– Молодец, Шарик, – пробормотал галактист и двинулся дальше. Больше отвалившихся щитов не наблюдалось, и Давид малость успокоился.

Перелезть на корму возле самой пристройки было минутным делом. Виштальский прокрался к двери капитанской каюты и толкнул узкую створку. Бесполезно. Он потянул – успех был тот же. Помог Шарик – руум просунул в щель свой «инструмент» и перекусил засов.

Забыв поблагодарить, Давид скользнул за дверь. Постоял, привыкая к темноте и кислому запаху, наполняющему каюту, потом разглядел лежак его великославия и расслышал самого Буссе – комит храпел и громко чмокал губами.

– Буссе! – тихонько позвал Виштальский.

Граф всхрапнул и замычал, переворачиваясь на другой бок.

– Подъем! – скомандовал Давид.
Буссе вздрогнул, резко обернулся и сел, мгновенно вытягивая нож из-под подушки.
– Кто?!
– Это я, тот, кого ты зовешь колдуном. На корабле бунт!
– Что?! – взревел капитан.
– Чего ты орешь? – зашипел Давид. – Ути-Ло собрал команду носа и хочет перебить команду кормы, захватить катамаран и пиратствовать!
– Морских репьев ему в задницу! – прорычал Буссе и рванулся к двери.
Виштальский перехватил его и как следует приложил к переборке.
– Стоять! Хочешь на нож попасть?
– Ты кого мотанул? – ошалел комит.
– Тебя, дурака! Резню желаешь устроить? Давай! А ты уверен, что верх возьмешь? Или ты полагаешь, что вся корма за капитана?
Буссе, не вступая в спор, бросился с ножом на Давида. Галактист легко ушел, перехватил руку комита и сунул великославие носом в пол. Отобрал нож, присел на лежак.
– Слушай, комит, – тихо проговорил Виштальский, – я тебе помочь хочу, понял? Есть план...
– К старшим по знатности, – просипел Буссе, – обращаются во множественном числе.
– Я хочу помочь вам, долбан... доблестный кхенти! Буссе, кряхтя, сел и привалился к стенке.
– А ты ж не мог по-нашему.
– Научился! – рявкнул Давид. – Ты будешь слушать или нет?!
– Слушаю, – буркнул комит.
– Надо опередить бунтовщиков – взять Ути-Ло, взять Марру...
– Убить Ути-Ло, – поправил Давида комит, – и убить Марру!
– Можно и так, – легко согласился галактист, – а потом. Трав нух у те... у вас найдется?
– У кого же ее нет? – проворчал Буссе и кивнул на ряд треугольных окошек. Над ними, под потолком, висели букетики пахучих трав. – Нух хорошо от пуш помогает, опять-таки, отгоняет злых демонов ночи. А на кой нам трава нух?
– А вот на кой!
И Давид быстро изложил кое-какие идеи.

До рассвета оставалось часа три, не меньше, когда команда кормы, лояльная капитану, начала действовать. Лейтенант Сау из древнего рода Кса повел группу добровольцев на охоту – дичью были презренные Ути-Ло и Марру. Четверо удалцов незаметно приблизились к кострам и стали подкладывать мотки сухих водорослей. Огонь разгорелся, и тогда ему скормили траву нух. Дым повалил гуще и вдруг окрасился в ядовито-желтый цвет. Стебли от жара затрещали, стали вздуваться пузырями и лопаться, издавая короткие резкие свисты. Желаящие пустить кровь командному составу обманулись – вырванные из дремы сигналом, они не стали разбираться, настал ли рассвет, а начали подниматься... и тут же падали обратно, утыканные тяжелыми стрелами из арбалетов. Давид рассудил верно – моряку, не участвующему в заговоре, незачем вскакивать по тайному знаку.

Сам Виштальский, подобрав меч одного из бунтовщиков, кинулся на нос и едва не столкнулся с Марру. Туземец в замызанной юбке, воя от ярости, вылетел на него, заноса клинок, и Давид ударил первым. Его меч перерубил противнику мощную выю. Почти безголовый, Марру упал, заливая палубу липкой, парящей кровью.

Виштальского согнуло в приступе тошноты, и это спасло его от верной гибели – выбежавший на него Ути-Ло, раненый, но недобитый, махнул мечом, но сталь разящая просвистела по-над спиной галактиста. Мгновенным усилием воли тот собрался и показал главарю

бунтовщиков прием из арсенала скандинавских форс-блейдеров – «поворот вверх». Ути-Ло развернуло и отбросило к борту. И выгнуло дугой – руум воспользовался своим отростком-клинком.

– Сдаемся! Сдаемся! – разнеслись испуганные крики. – Невиноватые мы! Это все Ути-Ло!

Команда кормы забежала по палубе, щедро раздавая тычки и пинки, всех стоявших уложив пластом.

– А ты силен, колдун, – уважительно сказал Буссе, переводя взгляд с Марру на Ути-Ло. – Обоих уделал!

– А у меня принцип такой, – криво усмехнулся Виштальский.

– Это какой же?

– «Живи сам и дай умереть другим!»

Буссе гулко захохотал и хлопнул Давида по спине. Словно получив приказ, засмеялись все мореходы. Даже те, кого положили мордой в палубу, подхихикивали.

– Рулле жив! – донесся голос Сау. – И Силла!

– Повязал? – осведомился Буссе.

– А то!

– Обоих к борту! Щиты поднять!

Дюжие морячки потащили связанных мятежников куда было сказано и потянули на себя тяжелые, отсыревшие решетки..

– Не-ет! – заверещал Силла, извиваясь, выгибая худое тело. – Не хочу-у!

Виштальский поморщился, но слух его терзался недолго – три гибких щупальца упали на палубу и мигом сгребли Силлу, скрутили его, ломая в поясе, и утащили в пучину. Секундой позже псевдоспрут выхватил Рулле – этот ни звука не издал, его горло спазмом зажал. Зато сфинктер расслабило.

– Обделался, – констатировал Буссе и поцокал языком: – Бедные осьмируки, какого только дерьма им не скамливают!

Команда развеселилась заново, но тут кхенти вскинул руку и договорил, веско и значимо:

– Нас спас этот человек! – Он указал на Виштальского. – От его руки сдохли Ути-Ло и Марру! Как к тебе обращаться хоть?

– Меня зовут Тавита Вишту, – отрекомендовался землянин.

– Я твой должник, ты мой гость! Сау, вели Тассу приготовить каюту для нашего спасителя! И хватит на сегодня баталий! Завтракать пора!

Тавита Вишту был абсолютно согласен с его великославием...

2

Переход через Внутреннее море занял трое суток. И все это время Давид жил, будто на круизном лайнере, – вставал поздно, ел много и ничего не делал. На четвертое утро он выбрался на палубу, лишь когда матросики заголосили: «Земля!»

Да, не позавидуешь местным Колумбам, думал Виштальский, зверски зевая и потягиваясь с хрустом. Только отплывешь от родного берега, сурово хмуря брови, готовый к подвигам, а уже и сходить пора!

Наскоро пригладив волосы и омыв лицо из ковшика, Виштальский покинул каюту. Все свободные от вахты топтались на носу, высматривая знакомые приметы.

Вскорости берег стал различим для зорких глаз. Он был холмист и скалист, весь в нагромождениях пышной зелени, а далеко-далеко, за холмами и скалами, тянулся пильчатый силуэт гор.

Побережье казалось пустынным и заброшенным, лишь в одном месте Давид заметил рыбацкие сети, выставленные на просушку, и лодки, вытасченные на песок и перевернутые вверх дном. Но вскоре «Сын грома» приблизился к двум каменистым мысам, замыкающим просторную бухту, и выплыл на ее простор. Слева и справа к заливу спускались леса, а прямо по курсу открывался город – зубчатые стены всех цветов, башни, купола, странные металлические конструкции вроде решетчатых мачт и вышек, ажурных арок и мостиков.

– Хассе! – гордо провозгласил граф и капитан, вытягивая руку к городу. – Столица славного Курредатского королевства! Здесь нам сходить, Тавита.

Вид Хассе с рейда впечатлял – внушительная пристань на переднем плане с каменными молами, с гранитными тумбами для швартовки кораблей. Дальше поднималась разноцветная кладка могучих стен, скалящая зубцы. Выглядывали башни, блестели купола... Но вблизи стал виден мусор, колышущийся на воде у причалов, лезли на глаза неряшливые портовые кабаки, притулившиеся у городской стены, всяческие копильни, кузни, доки, сараи. Ни одного деревца не росло на набережной, зато выщербленные каменные плиты мостовой были покрыты коркой засохшего навоза, в нее же втапывались огрызки, ошметки, обрывки. И запахи с берега неслись далеко не самые изысканные – воняло тухлой рыбой, гарью, гниющими водорослями и всё тем же навозом.

– Кр-расота! – расплылся в улыбке Буссе. – Ты глянь, Тавита! Мощь, а?! Сила!

– Да, пахнет мощно, – согласился Вишталский. Его великославие гулко загоготал, сочтя слова Давида удачной шуткой.

Тут на пристань выбежали гвардейцы, которым в русском языке сыскалось такое соответствие – королевские рыцари. В длинных, ниже колена, кольчугах, в плоских, похожих на тарелки, шлемах, с длинными мечами на поясах позолоченной кожи, рыцари вызывали почтение. Из-под кольчужного подола выглядывали сапоги, окованные серебристыми нащепками металла и со здоровенными шпорами. Ни у кого из гвардейцев Давид не заметил ни бластера, ни дезинтегратора. Странно. Охране короля, значит, «чудо-оружия» не полагается, а конкистадорам – пожалуйста? Не иначе, это Свантессен постарался – недаром в «группе захвата» управлял малый жрец.

Вишталский заоглядывался, отыскивая Шарика, и обнаружил того висящим на мачте – руум держался за гладкое дерево всеми девятью лапами.

– Ты невидимым – можешь? – прошептал Дава.

– Куок! – ответил Шарик и словно растаял, стал прозрачным – только переливы света и заметишь.

– Молодец! Держись рядом и никому не показывайся.

– Куок.

– Выезд хочешь посмотреть? – окликнул Давида комит. – Щас увидишь.

Рыцари мигом выстроились, и вот из-под тяжелой треугольной арки вывернула огромная повозка о шести колесах, запряженная восьмеркой долгоногов. Повозка была несоразмерно велика, и ее единственный пассажир просто терялся в ней.

– Его высокородие король Толло-но-Хассе! – проревел голос с берега, и рыцари дружно проревели: «Виват!»

– Виват, виват... – небрежно проговорил Буссе и скомандовал: – Паруса долой! Причальная команда – готовсь!

Захлопали по обшивке притянутые щиты. По левому борту выстроились мореходы, вооруженные шестами. Катамаран, лишившись последнего паруса, сбросил скорость, но все еще довольно резво приближался к причалу. Команда уткнула шесты в камень и притор-

мозила разбег. Заскрипел, завизжал отбойный брус, притираясь к пристани, толстые петли швартовов сдавили «шеи» тумб-кнехтов. Прибыли. Широкий трап выбил пыль из причала.

– Пошли, Тавита! – ухмыльнулся комит. – Только близко к монарху не подходи – от его высокородия перегаром разит.

– Как-то вы о венценосце... неуважительно, – усмехнулся Виштальский.

Буссе презрительно фыркнул.

– Уважение заслужить надо, – веско сказал он.

– Это точно.

Его великославие развернул плечи, задрал подбородок и пошагал с неверной палубы на стойкую сушу. Рыцари сверлили его взглядами, крепко тиская рукояти мечей. А Давиду было интересно сравнивать их и подручных комита. Мореходы, еще вчера шлявшиеся по палубе в обносках, разделились в пух и прах – в длинные полукофты-полухалаты, расшитые золотом в стиле татуировок, понацепляли передники, наколенники и налокотники из драгоценных мехов... Теперь рыцари на их фоне выглядели бедными родственниками.

Не даря гвардейцев своим вниманием, Буссе подошел к повозке и небрежно поклонился. Король встал – дверца была ему по пояс. Давид удивился – его высокородие оказался совсем еще молодым человеком, лет тридцати, самое большее – тридцати пяти. Его отличали хрящеватый нос хищных очертаний, с горбинкой, и припухшее испитое лицо. Венценосный пьяница был бледен и худ, но щеки имел круглые. «Мачо с мускулистыми щеками», – улыбнулся Виштальский.

– Комит Буссе-но-Зар-но-Хатти-но-Снорк, – величественно пророкотал его великославие, – покоритель туманного Побережья и владетель островов Чуру, приветствует вас!

Давид сделал зарубку на память: комит изложил все свои титулы, возвеличив себя и унизив короля. Монарх вполне мог счесть это оскорблением высокородия и лениво процедить: «Взять его!» – но даже бровей не нахмурил. Он лишь суетливо кивнул, сам открыл дверь повозки и спустился на грязную набережную.

– И тебе мой привет, кхенти, – сказал король.

Давид несколько утешился: венценосец тоже не промах! Вон как Буссе побледнел. Ничего, каков привет, таков ответ.

– Велики ли твои победы, граф? – вел беседу король, соблюдая какие-то местные церемонии. – Много ли трофеев?

– Мы заняли весь восток Заморья, – приосанился Буссе, – и перешли Серые горы! Злобные дикари пытались сломить нашу силу, но мы смели их! При поддержке Огненосцев его преосвященства.

Толло довольно равнодушно покивал и увидел Виштальского.

– Это твой пленник? – оживился он. Буссе хлопнул Давида по плечу.

– Это мой спаситель! – воскликнул комит. – Его зовут Тавита Вишту. Он колдун!

Тут же из-за чудовищной королевской кареты вышла целая делегация малых жрецов. Они семенили, опустив головы в надвинутых капюшонах.

– Сау... – мурлыкнул Буссе.

Две пары мускулистых рук ухватили Давида и крепко сжали, а комит учтиво поклонился малым жрецам.

– Его благодаяние Дусс, – пророкотал Буссе, – передает вам этого опасного колдуна и надеется, что инквизиция постоит против этого врага молящихся и трудящихся!

– Будь спокоен, кхенти, – глухо раздалось из-под куколя.

– Ты же называл меня другом! – крикнул Давид в бешенстве, пытаясь вырваться из цепких лап мореходов.

Комит притворно вздохнул.

– Совершенно верно, – подтвердил он, – но где это было сказано? В море! А ныне мы стоим на земле. Ты уж прости мое вероломство, – добавил граф с ухмылкой, – но хорошие отношения с Большим Жрецом для меня важнее дружбы с заморским колдуном.

При этих словах король визгливо захихикал, а рыцари поддержали его высокородие мощным гоготаньем.

– Увести, – коротко приказал малый жрец, шагавший впереди процессии, и два дюжих молодца в кожаных макси-юбках, с шикарными усами, спадающими на грудь, перехватили Виштальского и почти понесли его. Давид попытался сделать подсечку добру молодцу, шагавшему слева, но тот так сжал его плечо, что рука онемела.

«Да что же это такое, – горестно думал Давид, – всё ловят меня и ловят, пленяют и пленяют! Передают из рук в руки, как куклу какую-то...»

Покорившись, он обмяк, и добры молодцы протащили «колдуна» через треугольные городские ворота. Малые жрецы семенили с флангов, как почетный караул.

А за аркой городских ворот кипела жизнь. По каменной мостовой грохотали телеги с коваными ободьями, цокали копыта долгоногов, галдел народ. Мужчины разгуливали в длинных юбках и халатах с разрезами по бокам, обшитыми тесьмой, но без рукавов. При этом соблюдался забавный принцип: чем моложе человек, тем короче был его халат. Так что молодые парни носили уже что-то вроде жилеток. Мало на ком не было расшитого передника с карманом, куда складывали ножики, ложки, платки, кисточки и баночки с тушью. Голые руки и ноги особей мужского пола прятались в налокотники и наколенники из выделанной кожи.

А женщины щеголяли в вязаных кофтах до колен, с рукавами, но без пуговиц – кофта небрежно завязывалась на талии цепочкой, золотой или бронзовой, смотря по достатку. Кофта оголяла живот и плохо прятала груди, если же эти прелестные выпуклости отличались изрядным размером, то они полностью выдавались наружу. Впрочем, это никого не смущало. Напротив, декольте «до пупа» давало место бусам и ожерельям – шею солидной дамы отягощал десяток украшений, брякающих и звякающих на ходу, у молоденькой же девчушки, чьи грудки едва наметились, висела всего пара бусинок на ниточке. Передники женские кроили из кожи, и они больше всего напоминали дамские сумочки, до сих пор не вышедшие из моды на Земле, а вот налокотники шили из меха. Наколенники курредатки не носили вовсе, их заменяли короткие широкие штанишки, едва выглядывавшие из-под передников.

И ни одной непокрытой головы. Табу.

Население с жадным интересом следило за проводами колдуна – люди подбегали, бросаая дела, и живо обсуждали происшествие.

– Ведут!

– Гляди, еще одного словили!

– Туды его, окаянного.

– Ничего. Испробует железа каленого, будет знать, как порчу наводить!

– А сколько они детей поели, живодеры проклятые!

– Я ж и говорю, туды его...

Наглядевшись на прохожих, наслушавшись типичного средневекового бреда, Давид поднял глаза повыше, на здания. Хассе выстроили на нескольких холмах, улицы либо шли вкруговую, окольцовывая возвышенности, либо сбегали с вершин узкими спусками. Чаше всего они были застроены круглыми домами в два-три этажа, с куполами, иногда увенчанными шпилями. Между круглыми строениями попадались квадратные и шестигранные башни, и везде над улицами были протянуты мостики или галереи, соединяющие дома, – редко на трех, чаще на двух уровнях. Иной раз переходы были открыты для всех, и тогда металлические пролеты гудели под сотнями ног, но, как правило, мостики соединяли

жилища родичей – на перилах сохло белье, вялилась рыба, висели пучки трав или цветочные ожерелья.

А потом жрецы вышли на большую Центральную площадь. Почти всю ее занимал парк с редко раскиданными деревьями. Аллеи прорезали зеленые насаждения лучами-просеками и упирались в пару серых полусфер, слепленных боками. Станция Волхвов по классификации Стоуна-Щелкова, спокойно отметил Виштальский. Как Лобов мечтал сыскать хоть одну такую – целую, не раскоканную.

Малые жрецы как один поклонились в сторону Станции, прижимая пальцы, сложенные в «рога дьявола», ко лбу, глазам и рту.

Дюжие усахи, ведущие-несущие Давида, молча свернули на аллею.

У треугольных врат Станции стояли в дозоре еще двое качков в балахонистых нарядах. Гвардейцы кардинала?

Внутри Станция Волхвов очень хорошо сохранилась, даже перегородки из чего-то перепончатого и дырчатого были целы.

– Стой, – прогудел один из качков, – дальше горцам нельзя!

Ага, подумал Давид, косясь на усатых «проводжатых». Горцы, значит.

– Этого колдуна ждут внизу, – сухо сказал малый жрец, стягивая куколь и открывая шишковатую голову с редкими волосенками, прилипшими к потному лбу.

– Мы проводим, – сказал накачанный гуманоид, и они с товарищем приняли Давида у горцев.

– Эй, ребятки-зверятки, – недовольно проговорил Давид и попытался высвободиться, – я и сам умею ходить!

Тогда ребятки-зверятки крепко подхватили младшего командора под белые ручки – и повели. «Ладно, – решил Давид, – потерпим пока».

Качки двигались быстро. Пройдя весь средний коридор, они спустились по пандусу вниз и отворили сегментный люк в подвал.

Там было светло от пламени в большом камине и тепло. Все подвальное помещение было заставлено хитроумными приспособлениями для допросов, а на столах были разложены ужасные инструменты – орудия пыток. Остролицый типчик в одном кожаном фартуке, мокрый, меченный жирной сажей, сутулился в уголке, накаляя кончики щипцов в огне камина. Надо полагать, специалист по причинению страданий.

– Привели? – скучно спросил он. – Укладывайте.

«Ну ладно, хватит с меня», – подумал Давид и ударил левого качка каблуком по стопе. Тот взвыл, отпуская руку Виштальского, и заработал удар под ухо, после чего растянулся на полу.

Качок справа не растерялся, живо взял шею Давида в захват, и галактист от души садал гуманоида локтем по печени, после чего поджал ноги. Качок не удержал его, а Виштальский упал на колени и провел классический бросок. Гуманоид, дрыгнув ногами, перекувырнулся через младшего командора и выстелился на полу.

Но победу Виштальскому не засчитали – маленький острый диск прилетел из глубины подвала и чиркнул галактиста по щеке. Вошел неглубоко, только кожу рассек. Давид даже боли не почувствовал, однако в следующую секунду и без того тусклый свет померк для него. «Отравленный...» – мелькнула мысль. Мелькнула и пропала.

Когда Давид очнулся, светлее не стало. Но появилась боль в запястьях. И еще холодило спину.

Виштальский проморгался – и ощутил, что висит на цепях, прикованный к кольцам, вмурованным в стену. Со стоном он распрямил колени и встал, стараясь не касаться голой

спиной вогнутой стены. Наверное, Волхвам и в голову прийти не могло, что в нижнем отсеке их станции заведут пыточную камеру. Или что у них там вместо головы? Волхвы вроде не были гуманоидами. Давид потрогал языком щеку изнутри. Онемела будто.

– Ты поосторожнее, – внезапно раздался скучный голос, – а то швы разойдутся.

Прищурившись, Давид разглядел своего визави – это был мужчина средних лет, крепкий, налитой здоровьем, но все тело его покрывали синяки и кровоподтеки, а лицо выглядело бесконечно усталым.

– Ты кто? – выдавил Виштальский.

– А ты?

– Я первым спросил!

Мужчина улыбнулся, звякнув цепями, и представился:

– Меня зовут Зесс, я траппер.

– Охотник? – вяло поинтересовался Давид.

– При чем тут охота? – удивился Зесс. – Ты что, парень, с неба свалился?

Забывшись, Виштальский утвердительно кивнул.

– Ну и дурак, – буркнул Зесс, отворачиваясь.

– Дурак что попался! – выкрутился Давид. – Меня зовут Тавита Вишту, не местный я. Мой корабль... причалил к берегам Заморья, а тут эти. Огненосцы хватают, обзывают колдуном.

– Меня тоже! – усмехнулся Зесс. – Для Большого Жреца все трапперы – колдуны и ведьмаки.

– Да объясни ты мне, кто такие трапперы! – взмолился Давид. – Я и вправду не знаю ничего! Пришелец я, из такого далека, что. Понимаешь, у нас трапперами зовут охотников, которые на зверя ловушки ставят и западни разные.

Зесс недоверчиво покачал головой.

– Ладно... – измолвил он. – Всё равно у палачей перерыв на обед. Ты Крепости Творцов видел когда-нибудь?

– Я жил в такой! Там, за морем, в землях фнатов.

– Ну вот, уже легче. А вещи Творцов видел? Ну, там, кольца волшебные, шипперы, отнималки, хливки, сушиники?

– Да уж навидался.

– Ну так что тебе еще непонятно? Мы-то их и разыскиваем, эти вещи, а почему трапперами называемся. Так пока до той вещи доберешься, столько ловушек одолеешь... Куда тому зверю! Дошло?

– Дошло. А почему тогда – колдуны?

– А это Большого Жреца надо спросить, – процедил Зесс. – Лет десять назад все было тихо и спокойно. Мы искали вещи Творцов, за что нам было большое уважение и почет. Мы их дарили тем, кому надо. Скажем, врачам отдавали нутренники. Видал, нет? Ну, они на круглые зеркальца похожи, только через них человека насквозь видать, все кости, печенки-селезенки. Понял?

– Ага!

– Ну вот. Все ж знают, что Творцы покинули эту планету и оставили ее нам. Сотворили нас, чтоб добро зря не пропадало, и ушли.

– А фнаты верят, что Творцы вернутся.

– Так и мы тоже! Помню, каждый десятый день все собирались, кто у Обителей, кто у Крепостей, а кто и в Города заглаживал, и возносили общий зов... И расходились, просветленные и успокоенные. А потом пришел Большой Жрец – и все накрылось! Он заставлял нас верить в единого Творца. Вот, дескать, был такой Господь, и сотворил он небо и землю, и заселил ее зверями, засеял растениями, и человек пустил гулять по травке. И дал тем

человекам десять заповедей, чтобы они их читали, а прежде всего слушались пастырей, то есть Большого Жреца и слуг его. Понял? Мы, значит, стадо, а они пасут нас! Ну, люди поначалу смеялись над такими глупостями, так Большой Жрец силой принудил верить во всю эту чепуху! Его ночные каратели хватали противников новой веры и уводили неизвестно куда. Много людей исчезало... И пришел страх. Одни стали притворяться, что верят в Господа... этого... как его. Бога, притом некоторые – до того рьяно и истово, что Большой Жрец к себе на службу брал таких, милостями одарял и большими деньгами. Многие смекнули, что к чему, и перекинулись в «божников». Теперь они все на хорошем счету у властей и посты занимают высокие, кое-кто даже в комиты выбился. Но есть и другие, они не хотят предавать Творцов, им противно притворяться. Жрецы их ведунцами зовут и преследуют, травят, ссылают... Мы, трапперы, с ними заодно, ведунцы и прятали нас от карателей, и помогали по-всякому... – Голос разговарившегося Зесса угас. – Что дальше будет, не знаю... – признался он. – Как быть? Что делать?

– Бежать надо! – сказал Давид.

– Ага! – усмехнулся Зесс. – Ты как, цепи в тесто превратишь? Или птичкой обернешься? А, не местный? Давай, я посмотрю, как ты отсюда поскачешь!

Тут из коридора донеслись шаги и голоса.

– Возвращаются, работнички... – сказал траппер с тоской. – Готовься, пришелец.

Первым в подвал просунулся давешний остролицый типчик. Он сосредоточенно жевал и говорил с кем-то невидимым:

– А я так и сказал его благодаянию: «Не прокормить мне семью за такие-то гроши!»! Ты пытаешь тут, пытаешь с утра до вечера, а тебе за это полкольца в месяц! А цены-то растут. Вон как водоросли подорожали с зимы – почти вдвое! Я теперь мясо раз в декаду ем. Дожил.

– Ох, и не говори... – вздохнул невидимый собеседник и вошел следом за остролицым.

В трепещущем свете камина Давид разглядел тощего костлявого человека в сиреновом балахоне и с письменными принадлежностями в руках. Это был инквизитор. Общая худоба отражалась и на его лице. Запавшие щеки, хрящеватый нос, настороженные глазки, забившиеся в глазницы, как пугливые зверьки, делали инквизитора похожим на Кощея Бессмертного. Гладко выбритый череп с веснушками на блестящей желтой коже только усиливал впечатление.

– Ну, начнем, помолясь, – бодро сказал он, потирая сухие ладошки, и уселся за маленький столик в углу с большим развесистым канделябром.

Палач, дожевывая, поджег лучину и запалил свечи.

– Благодарю, Гесс, – чопорно сказал инквизитор и раскатал чистый свиток. – Та-ак. Зесс у нас все упорствует. Ага.

– Может, пятки ему подпалить? – спросил Гесс деловито.

– Потом. Сначала мы новеньким займемся. Приступай!

Палач побрякал своими «инструментами» и выбрал орудие, смахивающее на маленькую кочергу. Ее Г-образный наконечник малиново светился.

Сердце Давидово забилося как сумасшедшее.

– А вот, говорят, Гесс, – подал голос инквизитор, – что в степи за Солнечными горами зерно подешевле будет.

– Слыхал я, – кивнул палач. – Так это ж надо с кем-то сговариваться, чтоб караваном идти. Одному-то как?

– Ну да, ну да...

Гесс пощупал грудь Давида, перехватил кочережку поудобней – и прижал к коже раскаленную загогулину. Вишталевский закричал от дикой боли и с ужасом втянул в себя запах паленого мяса. Своего мяса.

И сомлел.

Глава 4

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

1. Система Толимана (Альфа Центавра А), планета Манито, база «Вакондо»

Грига и Рич, получив на руки дипломы инженеров-контролеров, тут же выбрали допуск в космос – труд на родной Планете казался им делом скучным и далеким от романтики. Нашлись и две вакансии – на планете Манито, самом близком из землеподобных миров. Там обосновались астроархеологи, копали город, возведенный пришельцами из космоса, – своих разумных на Манито не развелось. Базу-колонию решено было отгрохать рядом с чужим городом, стройка развернется ближе к осени, а пока инженерам-контролерам предстоял нелегкий выбор между валянием на берегу моря, перемежая процедуру загораживания купанием, и временной работой у астроархеологов.

Зикунов и Сидоровс отправились к месту работы вдвоем, на одном корабле – рабочем звездолете типа «Шэдоу». Весь переход они провалялись в камере высшей защиты, а когда вырвались в нормальное пространство, то сошлись в рубке, мрачные и нахохленные. Планета Манито сверкала прямо по курсу – голубая бусинка. Огненный шар Толимана был погружен в оранжевую пелену короны, его неистовый свет грел и перегревал ближнюю планету – гигантский Велес из класса «горячих юпитеров». Вот только четких облачных полос на Велесе не наблюдалось – атмосфера гиганта кипела, пробиваясь хаотическими разводами, а с ночной стороны прочь от светила утягивался зыбкий газовый хвост, похожий на кометный.

Манито была второй планетой. Океана на ней не водилось, зато на обоих полушариях разливались огромные внутренние моря, собирая стоки бесчисленных рек. На Манито было тепло, на экваторе даже жарко, там росли высоченные трехсотметровые деревья с голубоватой листвой, похожей на атласные ленточки, а лазоревую траву степей сосредоточенно хрумкали гигантские добродушные травоеды-бувейлы, похожие на китов, корячащих по три пары лап. На Манито хватало кислорода и озона, его тут имелось даже больше, чем нужно. Живи и радуйся.

– Я-то думал, нас ждет приличная база, – ворчал Грига, – а тут.

– Познаешь, сын мой, – затянул Рич, – что есть идиотизм деревенской жизни!

– Иди ты.

Звездолет между тем догнал Манито и вышел на планетарную орбиту.

– Дожили! – вздохнул Сидоровс. – Начинаем трудовую биографию с лопат.

– Пустое! На раскопах у них археороботы трудятся, нас туда не пустят.

– Да ладно, это ж временно. Инженеров-контролеров развелось как собак нерезаных, девать некуда, а грунтокопов не сыщешь.

– Сыскали же.

– Вывод: надо было учиться на «хорошо» и «отлично», как наш Дава, а не пропускать занятия.

– За себя говори, Пушкин! Когда это я пропускал?

– А когда за Анькой бегал! Забыл уже? У тебя, знаешь сколько «энок» тогда было?

– Ой, а сам-то! Меня, что ли, на втором курсе едва не отчислили?

– Все равно я бы как Дава не смог. Вместо свидания – сидение в информатории. Все на вечеринку, а Дава на полигон.

– Зато он сейчас на Тьете, наблюдает при дворе Его Могущества, а мы летим бувейлам хвосты крутить.

– Кстати, а как там с хохмой получилось?

– Да черт ее знает.

– Ты что, не узнавал еще? Ну ты даешь! А ну, мигом к рации.

– Великий космос! Зачем?

– Ну, просто. Вдруг он не попал на Тьет.

– А куда?! Что ты выдумываешь, «наше всё»?!

– Знаешь, мне как-то неспокойно.

– Да ладно тебе! Чтобы Дава не проверил задание... Ха!

– А вдруг?

– Рич, заводи шарманку!

Сидоровс пожал плечами и подсел к нуль-коннектору. Он оживил систему, набрал коды и сказал в рупор звукоприемника:

– Вызываем базу КГБ «Северный полюс» на планете Тьет!

Замигал огонечек ожидания, а через минуту экран монитора передал картинку с Тьета. Дежурный базы попал в круг главного фокуса и вежливо поинтересовался:

– Чего надо?

– А позовите, пожалуйста, Виштальского!

– Кого-кого?

– Виштальского! Давида Марковича!

– Нет тут таких, – буркнул дежурный.

– Как это нету?! – заорал Грига, бросаясь к передатчику. – Давид Виштальский, младший командор! Назначен к вам наблюдателем!

– Повторяю – не числится такой. Сердитый дежурный отключился, и экран погас.

– Это как? – тупо спросил Зикунов.

– А вот так! – развел руками Рич. – Фокус удался!

– Подожди. Надо с КГБ связаться!

– Правильно! С портом.

Сидоровс лихорадочно сконнектился с Северным космодромом. На экране долго никто не появлялся, хотя трели вызова с Земли доносились. Потом в пункт связи вбежала запыхавшаяся девушка и плюхнулась на кресло.

– Северный космодром КГБ на связи! – протараторила она и лишь потом перевела дух.

– Девушка! – заорали Рич и Грига дуэтом. – Посмотрите, пожалуйста! Сегодня должен был наш друг стартовать, Давид Виштальский!

Девушка тряхнула челкой и склонилась над столом-информатором.

– Да-ави-ид Ви-ишта-альский. Да, был такой. Стартовал сегодня в пять тридцать по среднеземному.

– А куда?! – закричали оба.

– Не знаю, – удивилась девушка. – Все же маршруты засекречены.

Грига испытал тошнотворное чувство – отчаяние и тоскливый ужас смешались во что-то холодное, скользкое и противное. «Что я наделал! – колотилось в мозгу. – Что я наделал!»

– Ну, Зикуновишна... – глухо проговорил Ричард.

– Погодите! – вскричал Грига и прильнул к экрану так резко, что девушка отшатнулась. – А данные его корабля имеются хоть?

– Ну конечно! – обиделась девушка. – Это «колобок», и...

– А посмотрите, пришел сигнал о прибытии? Девушка подняла голову, глазами обегая невидимый экран, и нахмурилась.

– Странно... – протянула она. – Сигнала нет!

На лице ее проявилось беспокойство, оно росло и росло, карие глаза расширялись и расширялись, пока не стало ясно, что паника завладела всем существом дежурной.

– Звездолет пропал! – сообщила она срывающимся голосом.

– Спокойно! – рявкнул Рич. – Попробуй связаться с самим кораблем! Номер есть?

– Должен быть... – пролепетала девушка.

Ее руки запорхали над терминалом, но выражение надежды на ее лице медленно потухало.

– Звездолет не выходит на связь! Я должна сообщить об этом в Комитет.

– Может, не стоит? – промямлил Зикунов.

– Да обязана я. Это же ЧП!

Грига сник. Если нуль-звездолет не выходит на связь, то это значит.

– Мог же и метеорит повредить антенну. – вяло предположил Рич. – А, может, он так и стартовал, с поврежденной? Хм. Или финишировал в фотосфере звезды.

– Хоть ты помолчи, – страдальчески сморщился Зикунов.

– Я рассоединяюсь, – заявила девушка с Земли.

– Только вы... это... держите нас в курсе!

– Ладно!

Экран потух, зато панорамник расцвел всеми красками – корабль шел на посадку.

Припланетилась злополучная парочка в штатном режиме, но ее это почему-то не обрадовало.

База «Вакондо» располагалась в субтропиках, на берегу теплого Моря Текумсе. Изумрудные волны набегали на белый песок, обтекая корни вяло шевелящихся деревьев-удильщиков, закидывающих в воду гибкие плети ветвей с крючками, – рыба клевала хорошо, наживку – капельки смолы – хватала жадно, наперебой. Морские бабочки, выныривая из волн, выпевали ре-соль, собирая с воды разбухшие икринки и водоплавающую мелочь. С синего неба жарил оранжевый Толиман. Выше по берегу поднимались циклопические сооружения – город пришельцев. На его фоне ослепительно блестели серебристые купола земной базы.

В любое другое время эти виды наполнили бы душу Зикунова если не восторгом, то хотя бы радостью и надеждой, но не теперь. Погано было Зикуновишне.

– Ну, что? – бодро спросил Рич. – Пойдем, доложимся?

– Тебе-то чего ежиться? – буркнул Грига. – Даве я задание поменял, ты тут ни при чем.

– Щас! – энергично возразил Рич. – Ты, кстати, расхотел ему подкладывать. Это я тебя уговорил. Так что...

– Ладно... – вздохнул Зикунов. – Пошли.

И они пошли.

Астроархеологи устроились в парочке двухслойных куполов из силикета. Грига Зикунов мог в таких бродить с закрытыми глазами – это был типовый проект со стандартной планировкой, со стандартными тамбурами и тоннелями-переходниками, связывающими главные купола со вспомогательными, где размещались и гараж, и лаборатории, и склады, и мастерские. Тоже стандартные.

Купола – излюбленный стиль архитекторов, строящих внеземные базы. Не только людей. Волхвы тоже уважали форму полусферы. И таоте, и кхацкхи, и сириусяне.

Заставляя себя думать о стилях и ордерах космического зодчества, Зикуновишна малость подуспокоился. Тревога все еще прихватывала желудок, засовывая туда что-то свежемороженое, но голова уже устала от беспокойств. Хотелось разрядки, хотелось дела, чтобы всё стало ясно и хорошо.

Сидоровс первым забрался в тамбур главного купола и вскоре вернулся со словами:

– А тут никого нет!

– Наверное, все на раскопе, – догадался Зикуновишна.

– Потопали.

Дорогу к месту раскопок искать не пришлось – утрямбованная тропа не зарастала, огибая базу и уводя к гигантским сооружениям на заднем плане, которые смотрелись довольно внушительным горным хребтом из колоссальных цилиндров, слепленных вместе, как органические трубы. Самые короткие из них достигали метров пятидесяти в высоту, зато и расплывались в ширину стадиона, а самые длинные вытягивались до трехсот метров, ужимаясь в поперечнике до размеров вертолетной площадки. Стены чужого города были гладкими и белыми, только верхушки самых высоких башен носили следы выветривания. И больше ни одного зияния, ни одного углубления.

– Без окон, без дверей, полна горница нелюдей, – прокомментировал Рич.

Грига промолчал. Тропа подвела его вплотную к стенам города, где астроархеологи собрали леса из блестящих трубок и соединительных шаров. Шаткая конструкция напоминала модель кристаллической решетки. Зикунов поднялся по дырчатому трапу на самый верх, чувствуя, как леса скрипят и трясутся под ногами, и обнаружил вход – круглую дыру, аккуратно пробуренную в толще стен. Грига поспешил залезть внутрь – леса ему доверия не внушали.

Внутри были расставлены треножки с яркими телефотерами, заливающими всё вокруг голубоватым светом.

Ровной оказалась лишь поверхность тоннеля, проделанного землянами, помещения же самого города не наводили на мысль об искусственном происхождении. Стены – то выпуклые, то вогнутые, тут потолки проседали, там – выпучивались неровным сводом. И пол какой-то волнистый.

– Кто ж это строил? – раздался гулкий голос Сидоровса. – Надо, то есть, как бы подсказать тутошним следопытам тему для исследований: «Роль алкоголизма в развитии ксеноархитектуры».

– Цыц! – сказал Грига. – Ничего не слышишь?

Оба прислушались. Издалека, плутая в переходах, долетел невнятный звук.

– Вперед!

Зикунов повел товарища по лабиринту изогнутых тоннелей, расширяющихся в местах пересечений в сферические полости. Сбиться с пути было невозможно – его указывали телефотеры. Выстроившись цепочкой, они уводили все дальше и дальше в недра чужого града, бросая гаснущие отсветы в боковые ходы. Один раз Грига вышел в гигантский зал, куда мог бы целиком поместиться Большой театр, – даже лучей телефотеров не хватало, чтобы высветить высоченный свод.

Звуки с раскопок: скрежет, стуки, бубнящие голоса – стали слышнее, и вот Зикунов попал в еще один зал – вовсе уж титанических размеров. Просторный, как Красная площадь, он был залит светом. Над неровным полом плавала поднятая пыль, и силуэты археороботов размывались. А вот человеческая фигура обнаружилась в единственном числе.

– Эй! – крикнул Грига. – А где все?

Согбенная фигура в комбинезоне моментально выпрямилась, подскочила даже, и сердитый голос разнесся эхом:

– Тфу на вас! Разве можно так пугать?

Астроархеолог подошел и оказался пожилым человеком с ежиком седых волос на голове и оттопыренными ушами, заостренными, как у эльфа. Оглядев всех прибывших веселенькими зелеными глазками, эльф представился:

– Ховаев, Дмитрий Александрович. Астроархеолог, доктор исторических наук, членкор и прочая, и прочая, и прочая.

– А где остальные? – спросил Сидоровс, оглядываясь.

Доктор наук захихикал и громко сказал:

– Позвольте вам представить: Гермес, археоробот из экспериментальной серии; Минерва, наша роботесса, особа весьма склочного нрава; Юнона, ее мечтательная подруга, часто забредает в боковые тоннели; Зевес, старший кибер.

– Так вы один, что ли? – округлил глаза Рич.

– Один, – закручинился Ховаев, – совсем один...

– А мы к вам, нас сюда прямо из института направили.

– Вряд ли надолго, – усмехнулся Грига. – Мы должны.

– Вы должны мне помочь, – перебил его астроархеолог. – Разговоры потом!

Не слушая неуверенное вяканье, Ховаев повел неожиданных помощников в широкий тоннель, пол которого был покрыт толстым слоем песка, по виду и цвету напоминающего коралловый.

– Сюда я механизмы не пускаю, – объяснил доктор, – уж больно они неуклюжи, любят топтаться на одном месте. Минерва уже два пластинга раздавила, корова кибернетическая!

– А что надо делать?

– Копать! Лопатками! И просеивать – вон через те сита.

– И докуда копать?

– Отсюда и до обеда! Время пошло!

Грига с энтузиазмом набрал полную лопату песка и швырнул его в сито, подхваченное Ричем. Песок просыпался, поднимая пыль, и оставил пару увесистых серебристых шариков.

– Ух, ты!

– Ты просеивай, просеивай!

– А ты копай, копай!

– Берешь больше – кидаешь дальше!

Следующие два часа запомнились Зикиновишне сосредоточенным пыhtением, ширканьем лопат и тихим шорохом просеиваемого песка. Работа была скучная, но она полностью занимала мысли, не позволяя думать о постороннем. О преступлении, которое он совершил, желая отомстить. И о наказании.

К обеду «юные друзья археологов» накопили пять шариков, как оказалось, аккумулирующих устройств, четыре пластинга и две палочки размером с обычные стилья. Невыясненного назначения.

– Перерыв! – объявил Ховаев и повел инженеров-контролеров, временно исполняющих обязанности археороботов, в боковой тоннель. – Пойдемте, там у меня киберкухня и отличные лежбища!

По изогнутому пандусу Грига поднялся в обширный круглый зал. Телефотеров здесь не стояло, но свет был – он проникал откуда-то с потолка, утыканного толстыми колоннами, свисающими будто точеные сосульки.

Свет был мягкого зеленого оттенка, он позволял все видеть и не давал теней.

– Там окно, что ли? – полюбопытствовал Сидоровс.

– Нету там никакого окна, – мотнул головой Ховаев.

– А откуда тогда свет?

– Сие науке неизвестно. Пока...

Усевшись на пухлый надувной диван, астроархеолог раскинул руки по спинке и поприветствовал Зикинова:

– Будьте хорошим мальчиком, включите моего повара.

– А что приготовить?

– У меня там стандартная программа, экспресс-обед номер три, а вы себе закажите, что хотите.

Запрограммировав кухню-синтезатор, Грига плюхнулся в мягкость кресла напротив.

– И кто ж все это отгрохал? – спросил Рич, обводя глазами полутемный зал.

– Сложно сказать... – протянул Ховаев. – Некоторые находки позволяют говорить, что хозяева находились в контакте с Волхвами, но кто они были сами – это вопрос.

– Встретить бы этих Волхвов.

– Сие невозможно, молодой человек. Цивилизация Волхвов закончила свое существование приблизительно сорок пять тире пятьдесят тысяч лет назад.

– Мы учили, – вставил Рич.

– А я не верю! – буркнул Грига. – Не представляю, что их могло так прижать, что они все вдруг взяли да и исчезли.

– О-о. Ни одна сила космоса не была страшна Волхвам, – торжественно проговорил Ховаев. – Никакие вспышки Сверхновых, никакие столкновения черных дыр. Просто их сверхцивилизация подошла к финалу... Волхвы достигли почти божественного могущества, их технологии развились настолько, что стали неотличимы от магии, но. Вечности в природе не существует, все имеет свое начало и конец. Бесконечна во времени лишь Вселенная, так ведь и она постоянно меняется. Скажем, той материи, из которой нынче состоит мир, не существовало четырнадцать миллиардов лет назад. Тогдашние небесные тела находились в доатомном состоянии, а представить себе некантованную и по-иному структурированную протоматерию могут только физики, да и те, по-моему, лишь притворяются знаатоками корней Вселенной. Положен предел и цивилизациям. Может, Волхвы просто устали жить? Обретя все знания, испытав все улады, они утратили смысл существования. Мы, люди, хотим, но не можем, они же могли все, но перестали хотеть, поскольку исполнили все свои желания. Впрочем, это всего лишь предположения, точно никто ничего не знает. Мы находим базы Волхвов, зоны посещения, но даже приблизительно не ведаем, где находится их материнская планета.

– Да-а... – глубокомысленно произнес Рич. Грига нетерпеливо заерзал.

– Так что у вас за проблемы, молодые люди? – расслабленно спросил доктор наук.

Зикуновишна тяжело вздохнул и поведал обо всем без утайки. К его удивлению, астроархеолог нотаций читать не стал и заговорил без укоризны:

– Да-а. Узнаю возраст. Прекрасный возраст! Просто чудесный. Мне сто второй пошел, я еще крепкий старикашка. Физически я способен на молодые безумства и глупости, но вот психологически. Увы! Надо быть таким, как вы, молодым и безбашенным, чтобы получать удовольствие от порыва души, ничего не просчитывая и не думая о последствиях.

– Вы нас даже не ругаете? – округлил глаза Ричард.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.